

The background of the cover is a photograph of a person in a dark jacket and pants walking away from the viewer down a dirt path in a dense, misty forest. In the middle of the path, there is a small, rectangular concrete structure with a flat roof covered in moss. The person is standing in the doorway of this structure, looking out into the forest. The trees are tall and thin, with green foliage. The overall atmosphere is mysterious and somber.

Александр Сих

**Фатальный
диагноз**

18+

Александр Сих

Фатальный диагноз

«Автор»

2026

Сих А. С.

Фатальный диагноз / А. С. Сих — «Автор», 2026

Ингредиенты и способ приготовления. Для начала противень обильно смазываем вдохновением. Затем покрываем его толстым слоем философской идеи. Поверх идеи кладём загадочный сюжет. После этого смешиваем в одной ёмкости антиутопию, утопию, юмор, сатиру с долей сарказма, иронию, гротеск с приправой сумасбродства и выливаем на сюжет. Всё это слегка пропитываем соусом чуть научной и чуть не научной фантастики. На подготовку блюда-сырца ушло три месяца. На месяц ставим блюдо в духовку. Достаём, даём чуть остыть и voilà - продукт готов к употреблению. Bon!!!

© Сих А. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Александр Сих

Фатальный диагноз

Глава 1

Придёт и мой черёд вослед,
Мне колют в спину, гонят к краю.
В душе предчувствие, как бред,
Что надломлю себе хребет,
И тоже голову сломаю.
«Штормит весь вечер, и пока...»
Владимир Высоцкий

Когда после очередной большой войны старый мир рухнул, на его месте, по закону сукцессии, возродился новый мир. Ещё более гуманный. Ещё более справедливый. Ещё более прекрасный. Так, по крайней мере, утверждали глашатаи новой эпохи, певцы нового времени и писатели нового поколения. Впрочем, ничего нового, кроме старой, но слегка подкорректированной идеологии, и новых технологий, которые были пересмотрены и жёстко ограничены. Точно так же, как пришлось пересмотреть и выбросить в архивный хлам некоторые социально-философские доктрины, признав их глупыми, вредными, а некоторые и опасными.

Как, например, великий лозунг-девиз великой французской революции: «Свобода! Равенство! Братство!» Сама идея была признана настолько глупой для индивидуальности человека, для его ненасытного и врождённого «эго», насколько и опасной для дальнейшей эволюции человечества. Главным аргументом явилось абсолютная и безоговорочная неосуществимость данного тезиса. Неудобоваримость его для нутра человека. А значит, - утопия. И это можно было понять на судьбах отцов-родителей этой прекрасной идеи – Максимилиана Робеспьера и Камиля Демулена. Свободно и с братской любовью отправив равных по Конвенту депутатов на гильотину, эти великие уравниатели вскоре последовали туда сами, доказывая свою правоту равенства перед острым лезвием гуманного изобретения казни хирурга Антуана Луи и инженера-механика Тобиаса Шмидта и названного в честь ещё одного врача Жозефа Гильотена. И всё это от избытка стремления к справедливости и любви к человечеству. Они помнили главное – «Не навреди!»

Да, трудно стремиться к высоким общественным идеалам, к равенству и братству, жгуче ощущая в себе жажду власти, славы и наживы, ненависть к собратьям-конкурентам и слепую зависть к более успешным. А если нет равенства и братства, то и свободы быть не может.

И Новый мир, открыто признав невозможность преобразования каждого человека в отдельности, решил преобразить человечество. Что тоже не ново. И, как всегда, преобразование началось с реформ на всех уровнях – с аннулирования и реорганизации большинства международных и государственных структур, с коренной реструктуризации крупных, средних и мелких предприятий и, конечно, с нового политического курса. С нового мышления и видения. Всё должно быть новым. Новый мир – новое мышление – новый путь. Понятно, что в светлое и счастливое будущее. Только туда всегда и вели.

Организация, в одной из структур которой я служу, также претерпела коренные изменения. Это её третье и, полагаю, последнее возрождение. Хотя бы потому, что число «три»

таит в себе непонятное магическое свойство, являющееся для многих непостижимой тайной. Правда, это не аксиома, потому что срабатывает не всегда и не для всего. Но лично я, если новая структура не оправдает ожиданий, уничтожил бы её с корнем. И я думаю, что не оправдает. Как любой живой организм, она рождается и растёт в мечтах и стремлении к миру и справедливости, потом начинает жиреть от дотаций и коррупции, забывая мечты розового детства, после чего путь к гибели неизбежен. Как, впрочем, для любого организма. Только, вот, остаётся висеть в воздухе вопрос – чьи ожидания она должна была оправдать?

Сегодня она называется Государственные Соединения Мира (ГСМ). Глупое название. Была альтернатива – Государственно-Национальные Объединения Мира (ГНОМ), – но проголосовали за первое. Что не удивительно. Ни один чиновник, даже мелкий, категорически не желал, не желает и не будет желать признавать себя гномом. Но зато любой чиновник прекрасно понимает, что если не заправишь и не смажешь, то и не поедешь.

Многие чиновники без особых психологических травм перекочевали в новую организацию из старой – ООН. А первая, напомним, называлась Лига Наций. Практичный человек, даже обладающий математическим умом, почему-то считает, что в жизни от перемены мест слагаемых может измениться сумма. И что удивительно, в частных мелкомасштабных случаях этот парадокс иногда работает.

Я инспектор Отдела (Бюро) по Расследованию Глобальных Афер и Злоупотреблений Мира (ОРГАЗМ) Совета Безопасности (СБ) Государственных Соединений Мира (ГСМ). Название громоздкое, расплывчатое и даже несколько несуразное. Но в сокращённом виде приятное. В общем, я служу в ОРГАЗМЕ. Хотя оргазма, честно скажу, я от этого не испытываю. Даже когда распутываю сложную и запутанную финансовую аферу. Даже в высших эшелонах власти и с хитроумными замечаниями следов путём подстав, подлогов и убийств. Лишь, пожалуй, лёгкое удовлетворение от хорошо выполненной работы. Так, конечно, было не всегда. Было время, когда испытывал настоящую эйфорию. Но потом, имея постоянное дело с алчными и очень алчными фигурантами дел, я начал испытывать раздражение и уныние. А в последнее время меня вообще одолевает непрерывная тоска. Необъяснимая внутренняя грусть. Дискомфорт от дисбаланса моих внутренних частей исправного в общем и целом моего ещё не старого организма. Что-то там бунтует и мешает получать от жизни полноценный оргазм.

Имя моё Алекс, а фамилия Фидест. Алекс Фидест, служащий пятого класса в иерархической структуре Международной Чиновничьей Системе (МЧС). Средний слой. Между молодом и наковальней. Начинка бургера, на которой сходятся верхние и нижние зубы. Сверху давит руководство, требуя оптимизации следствия, а снизу давит толстый пласт жалоб подопреваемых, игнорировать который не вправе Собственный Контроль и Общая Терапия (СКОТ) ОРГАЗМа.

И пусть всю прошлую историю коренным образом реформатировали, стерев в порошок целые пласты, кое о чём я буду напоминать.

Итак, если штаб-квартира первой международной организации – Лиги Наций – находилась в Женеве, второй – ООН – в Нью-Йорке, то для местожительства головного офиса ГСМ, на закрытом заседании Президиума и в атмосфере горячего братского спора, был выбран город Шанхай.

Не последним фактором в пользу Китая послужило обещание китайского Дракона (так стало называться Политбюро Китая) предоставить в полное распоряжение ГСМ Шанхайскую жемчужину – Шанхайскую башню в районе Пудун. Дополнительно пообещав при этом, в случае острой необходимости расширения жилплощади, соединить эту башню с башней Цзинь Мао воздушными мостами. Эти две башни, в отличие от сильно пострадавшего в последней большой войне Шанхайского финансового центра, остались целёхонькими.

После подписания очередного «Вечного мира», завизированного всеми странами-участниками старой мафиозной структуры ООН, и впоследствии подтверждённой и ратифицированной новорождённой – ГСМ, наступила эпоха великих реформ и преобразований. А для народов – великих надежд, ожиданий и упований.

Вопрос местожительства новорождённой организации явился первой проверкой на прочность «Вечного мира». И хотя этот вопрос решался в атмосфере внешнего международного дружелюбия и солидарности, внутреннее напряжение ощущалось. Оно источало холод, который не переходил в ледяную враждебность лишь благодаря многочисленным улыбкам. Особенно в этом преуспели китайцы и японцы. А что холод, так это и не удивительно. В высших слоях атмосферы всегда прохладно. Чем выше, тем холоднее. Это надо знать и помнить.

И решался этот вопрос на первом всенародном собрании (Вече), где каждый представитель страны-участницы имел один голос. Вне зависимости от размеров государства и бывшего могущества. А когда нет ни одного авторитета, то в мутных водах хаотического равноправия результат бывает непредсказуем. Хотя внешнее не всегда соответствует внутреннему. Зачастую внешняя Республика содержит в чреве своём Диктатуру.

А Совет Безопасности хоть и сохранил своё былое название, но общая структура находилась в сильно расшатанном состоянии. Постоянные члены Совета, лишённые не только права «вето», но и самого постоянства. Они шлялись без дела по ухоженным джунглям, валялись на пляже, купались и загорали, а вечером пили виски, сильно разбавленный водкой, в бунгало над водой, получая удовольствие от экзотики. И всё это потому, что первое вече, оказавшееся и последним, проходило вдали от разрушенной крупной цивилизации на острове Таити. Который был окружён не только не пострадавшей уникальной экосистемой, в виде глубоководных коралловых рифов, но и многочисленными линкорами и авианосцами. Вечный мир тоже нуждается в военной охране. И это закон не джунглей, а высокоразвитых цивилизаций.

После долгих горячих дискуссий в тропическом поясе пассатного климата и влажного сезона января месяца, Соединённые Штаты и Западная Европа были безапелляционно исключены из претендентов на ПМЖ ГСМ. На осмысление и переваривание неудобоваримого результата был объявлен трёхдневный траур, поданный народам мира, как всемирное поминовение всех убиенных в последней войне. Этот день был даже выбран в качестве «Мировой Памяти о войне». Однако через несколько лет был отменён из вытравлен из мировой памяти, как, впрочем, и вся война. С её причинами и жертвами.

По истечении же трёхдневного траурного срока, на суд (голосование) делегатов-депутатов Вече были выдвинуты пять городов: Шанхай, Токио, Бомбей (Мумбаи), Эр-Рияд и Москва. Токио, Бомбей и Москву исключили без всяких особых проблем. И хотя делегат от США и некоторые делегаты от Европы усердно бились за Токио, все их старания были разбиты в пух и прах одним-единственным аргументом. А именно тем, что вся Япония находится в сейсмически опасной зоне, и мир не вправе рисковать жизнью и здоровьем мировой элиты, даже если вероятность опасности составляет не более одной сотой процента.

Москву же исключили изошрённо просто. Ещё до заседания. На собрании лишь озвучили результат. В Москву был отправлен ультиматум: «Мы включим город Москву в список городов-претендентов, если вы предоставите для штаб-квартиры ГСМ весь Кремль».

И если народ с воодушевлением принял это условие, обнародованное для поднятия в массах патриотизма на столь явную агрессию, то вся кремлёвская рать сочла этот акт не только диверсией на суверенитет, но и откровенным личным оскорблением. Особенно возмутились кремлёвские бояре. Целую неделю они изнемогали от гипертонии, расстройства вестибулярного аппарата и тремора. Досаждавшего им особенно при утреннем пробуждении. Их главный боярин, всю жизнь находящийся в роли вши не гребешке, так выразился по поводу этого наглого ультиматуму: «Ишь, чего удумали, иноземцы-бусурмане, Кремль им подавай?! Шиш им! Кремль – наша святыня! А святынями мы не торгуем!»

Индию же пожурели за наивную попытку сокрытия фактов касательно Бомбея. Его разбомбили настолько, что остатки «Болливуда», получив статус компании-беженца, перекочевали в Хайдарабад, растворившись в «Толливуде». Переименование Бомбея в Мумбаи, как оказалось, от ракетных ударов его не спасло. На это Индия пафосно заявила, что они готовы на святотатство и временно разместить весь ГСМ в пещерах Элефанта острова Гхарапури, прекрасно сохранившихся. Такая индийская жертва возмутила чиновников ГСМ сильнее, чем их ультиматум кремлёвских бояр. Жить в пещерах?! Дикость какая!

В итоге остались Шанхай и Эр-Рияд. Арабы, на готовность Китая соединить свои башни воздушными мостами, заявили, что им и соединять-то уже ничего не надо. Всё уже соединено. Мол, башни нашего небоскрёба Бурдж-Аль-Мамляк имеют надёжный воздушный мост, и мы рады предоставить всё это великолепие в полное распоряжение верных и неверных.

Окончание предложения депутаты толерантно пропустили мимо ушей, но, сославшись на климат и удалённость от основных центров цивилизации, в итоге выбрали Шанхай. Вот так после войны сместился центр тяжести Земли. Однако этот геополитический кульбит мировое сообщество ничуть не озадачил, потому что на штандартах всех государств мира реял лозунг – «Вечный мир».

Для внимательных сообщаю, что никакого конфликта между «Вечным миром» и отсутствием «Свободы, Равенства и Братства» нет. И противоречия нет. Равенство и братство не может быть среди людей, но равенство должно быть среди государств и народов, а также свобода выбора своего жизненного пути. Но в строго отведённой для индивидуума акватории. Выше – только с позволения высших. В общем, всё как и было раньше, только замалчивалось, скрывалось, маскировалось, искажалось. Ну что ж, по крайней мере, честно. Честная сегрегация.

Равный равен равному социально, а все государства равны между собой государственно. И над всем этим равенством, по первому статуту «Вечного мира», возвышается ГСМ, главный законодательный, исполнительный и судебный орган мира.

Как я уже писал, войну стёрли из истории сразу, чтобы не копошиться и не искать виновных. Вредным и опасным было признано всё, что мешает сближению народов. А народам, как выяснилось, на всё это было глубоко наплевать. Всемирная история? Хлам. Всемирная философия? Хлам. Всемирная литература? В общем и целом, тоже хлам. Но за некоторым исключением. И эти исключения общедоступны. Как общедоступны весёлый и эротичный театр, весёлое и эротичное кино, весёлый и эротичный интернет.

Через пять лет уже редко вспоминал классику, мировые шедевры литературы и кино и самую разрушительную войну. А ещё через пять лет (сегодня) о ней забыли даже участники и очевидцы. Оно и понятно. Зачем вспоминать страшное прошлое, когда рядом прекрасное настоящее? Я не знаю детально, какое было истинное далёкое прошлое, но я помню войну. И смело утверждаю, что в сравнении с ней настоящее действительно прекрасно. И это несмотря на дискомфорт от дисбаланса моих внутренних частей. Но мой случай, это сугубо частный случай. Который, надеюсь, в скором времени примет прежнюю форму. Организм вернёт статус-кво. Он сам уничтожит непонятный вирус и произведёт полную регенерацию органов. И я вновь, как когда-то, буду здоровым и в хорошем позитивном настроении.

ГСМ, надо сказать, чтобы осчастливить людей, за дело взялся рьяно. Первым делом был издан приказ о всеобщем мировом разоружении. Вплоть до автоматов и пистолетов, которые были ещё нужны для поддержания общественного порядка и использовались только спецслужбами. Был нанесён сокрушительный удар по наркотической мафии. Все многочисленные наркотики и их гибриды были легализованы, производились государственными предприятиями и продавались в аптеках без всяких рецептов.

А общее количество наркологических клиник увеличилось. Кто хотел жить, тот шёл в клинику, кто не хотел – того везли в морг, а потом в крематорий. Веселье, особенно среди

молодёжи, зашкаливало. Особенно – первые три года. Потом веселье пошло на убыль. Начал чаще пробуждаться инстинкт самосохранения. Хотя бы так. Всё лучше, чем совсем никак.

Глава 2

Лично я в Шанхае не был ни разу. Как, впрочем, и в самом Китае вообще. И не скажу, чтобы я по этому поводу хоть немножко сожалел. При желании можно посетить любую точку земного шара. Хоть Арктику, хоть Антарктику, хоть Марианскую впадину. А ещё есть возможность слетать в стратосферу, в мезосферу и даже в термосферу. Только, к сожалению для многих, к желанию надо приложить определённые финансовые усилия. Чем экзотичнее желание, тем усерднее должно быть финансовое усилие.

Многим в этой жизни не хватает усилия, а мне, представьте, желания. Ну зачем мне плыть к Антарктиде? Это же не Атлантида. Вот Атлантиду я бы посетил с удовольствием! И то лишь потому, что неизвестно, существовала она на самом деле или всё это выдумки Платона. Как известно, прародитель социализма был на выдумки горазд. Но зачем же мне нырять в какую-то впадину, рискуя при этом не вынырнуть обратно? И это не трусость. Это здравомыслие, взявшее верх над безрассудностью и глупой дерзостью. И уж совсем ни к чему достигать высот термосферы. Всё это я могу сделать через интернет. Если захочу. Без всяких усилий и усердия. А чем лучше Шанхай? Что я там не видел? Но это только моё мнение.

Я работаю в Европейском Отделении ОРГАЗМа, офис которого находится в Варшаве. Туда же, при устройстве на работу, отправлял своё, как принято говорить и писать, резюме, там же проходил собеседование и медкомиссию. Последнюю процедуру приходится проделывать ежегодно. В целях заботы о здоровье служащих. Обо мне уже заботятся десять лет. Тружусь в этом Бюро с момента его зарождения. Я, можно сказать, старожил. Ничего смешного в этом утверждении нет, учитывая текучесть кадров.

Кадры в основном утекают по трём потокам. Первый, самый большой поток – вследствие бесчеловечного усердия СКОТа. Уже давно все служащие нашей конторы привыкли к фразе: «СКОТ усиленно бьёт копытом». Второй поток – внутренние конфликты и интриги. Куда же без них?! На них держится весь прогресс. Его с прискорбием все прогрессивные люди и наблюдают. И третий поток, самый жиденький – по состоянию здоровья. В основном, это разной степени психические заболевания. Я, к счастью, не психиатр, поэтому в этой теме не очень разбираюсь.

Собственно, всплеск психических заболеваний пришёлся ещё на довоенное время. Большой войны ещё не было, велись только региональные войны, но общая политическая обстановка была крайне напряжена. А многочисленные интернетовские блогеры-политологи, имя которым легион, взвинтили нездоровый ажиотаж до предела. Вот так тихо и незаметно, в уютной домашней обстановке, люди сходили с ума. Кто от компьютерных игр и развлечений, кто от исторических и политических дискуссий, дебатов и децибел. А уж когда началась большая война...

Я в это страшное время сумел сохранить и физическое, и психическое здоровье, хотя был ранен и даже контужен. Я тогда «воевал» в финансовом отделе Министерства Обороны. Война велась, как некоторые, надеюсь, ещё помнят, ракетно-дроновым методом. С минимальным использованием танков, самолётов и военных кораблей. Воевали до ракетного изнеможения: запускали ракеты все по всем. Казалось, всех обуяло какое-о дикое, первобытное, массовое безумие, которое в мирное время во время народных массовых гуляний называли ласково «бесшабашным весельем». Это в том случае, если использовать еврейское толкование слова «шабаш». Если же применить европейское значение, то фраза уже будет звучать и писаться – «шабашное веселье».

А ранен и контужен я был одновременно. Сначала дротовый осколок прошиб мне плечо, а следом меня контузило от взорвавшейся невдалеке ракетной боеголовки. И всё это произошло в центре города. После обеда вышел из офиса, чтобы минут десять прогуляться. Провалился в больнице два месяца. Дали какую-то медаль. За что? Нахрена? В смысле, нахрена она мне?!

Так вот, когда это «шабашное веселье» дошло до предела шизофренической катастрофы и дрожащие элитные пальцы потянулись к кнопкам запуска термоядерного и ядерного оружия, наступило внезапное отрезвление. Возможно, как и у наркоманов, пробудился животный инстинкт самосохранения. Только в более крупном масштабе. Инстинкт самосохранения жизни на Земле. Бешеный азарт сменился унылым созерцанием.

После двухнедельного успешного расследования банковской аферы с инвестициями Мюнхенского международного банка, я находился в законном недельном отпуске. В первые сутки я обычно не покидаю пределов квартиры. Отсыпаясь и чуть-чуть балуясь алкоголем. Мне никто не мешает. Одиночество мой удел.

Три попытки налаживания семейной жизни ни к чему хорошему не привели. У меня постоянные командировки, а мои женщины находились в постоянном поиске счастья. А счастье они представляли в постоянной смене сексуальных партнёров и в ещё более постоянном требовании моих финансовых вливаний в их сумбурную поисковую систему и в их незаурядную индивидуальность. Склок не было – было нытьё. И тоже постоянное. Может я просто невезучий?

Одним словом – покоя и отдыха не было. И я перешёл на свободные отношения без всяких обязательств, хотя, правда, не всегда без оплаты. Но что такое деньги в сравнении с психическим здоровьем? Как гласит древняя мудрость: «Здоровья за деньги не купишь».

Следующие три дня я провёл в семье сестры, с которой проживала наша престарелая мать. Сестра и её муж обычные служащие второго класса. Живут тихо, скромно, дружно. А это уже давно редкость. Трое детей. Два пацана и пятилетняя дочь. Регулярно помогаю им материально. Куда лучше, чем на неотразимых, пустых и похотливых стервах.

Четвёртый день опять-таки провёл дома, в пятый – посетил спортзал и бассейн, а в последний выходной навестил диких животных в заключении. За время выполнения задания в организме накапливается негативный эмоциональный шлак, давящий прессом на психику. Это лично у меня. Другие агенты об этой проблеме мне не рассказывали. А может просто скрывают? Я не лез с расспросами. Зато давно убедился, что, наблюдая за животными, даже через научно-популярные фильмы, во мне происходит процесс душевной регенерации. Будто принял внутренний душ. Душ для души. Я ещё сохранил память об этом слове, ставшем архаизмом и вычеркнутым из мировой лексики. В разговорах я тоже его не употребляю. Не хочется выглядеть белой вороной.

Поэтому, когда у меня длительные выходные и нет срочных вызовов на службу, я обязательно посещаю Варшавский зоопарк. Который, кстати, во время последней войны почти не пострадал. В отличие от предпоследней, Второй Мировой, когда много животных погибло во время сильных бомбардировок, а другие, признанные нацистами «ценными», были депортированы в Германию, а «не ценные» - расстреляны. Без суда и права на последнее слово обвиняемого. Хотя, что тут говорить о животных, когда людей расстреливали чаще и быстрее, чем успевали написать протокол. Особенно в стране, победившей фашизм.

На работу я вышел 3 апреля, в среду. Но до своего кабинета добраться не успел. Выйдя из лифта на 13 этаже, я столкнулся со своим коллегой – Володей Экоцидовым, агентом 4 класса из подотдела «Экологический террор». Внешность и повадки его были таковы, что, не будь у него удостоверения инспектора, я бы сам принял его за террориста. И отнюдь не экологического. Однако, справедливости ради, следует сказать, что браконьеров, даже крупных, он ловил исправно, за что и получал хорошие премиальные. Может и от них он что-то получал,

но с поличным ни разу не был пойман, потому как в мутных водах интриг он лавировал лучше любого караса или леща.

- Тебя ищет босс для какого-то срочного дела, - выпалил он с дикой ухмылкой. Потом ехидно добавил. – А ты, как всегда, задерживаешься?!

- А ты, как всегда, на опасное задание? – парировал я.

- Именно, - с небрежным апломбом ответил Вова. – Кто-то массово «раздевает» бобров в Поволжье, а местные инспекторы природоохраны бьют тревогу и разводят руками. Срочно требуется помощь опытного агента.

- Начни расследование с инспекторов природоохраны, - посоветовал я и пошёл по коридору к кабинету босса. Потом повернулся и дополнил совет. – Если повезёт, познакомишься с государственными инспекторами. А ежели и их возьмёшь в оборот, то, возможно, лично за руку поздороваешься с министром природных ресурсов. А там можно хапнуть хорошую мзду.

Мне показалось, что Вова слегка обиделся.

- В первую очередь, я стараюсь для нашей конторы и для ГСМ в целом, - ответил он чуть дрогнувшим голосом. – А себе беру ровно столько, сколько допустимо законом.

Я махнул ему рукой и пошёл дальше.

Выражение лица нашего дорогого Юзика мне сразу не понравилось. Оно было мрачнее обычного, а цвет – темнее обычного. Вообще-то, полное имя директора европейского отделения ОРГАЗМа звучит так – Юсуф ибн Хасан Адиль. А Юзиком мы называем его между собой. На польский манер. Если и не по-братски, то по-свойски. Он неплохой человек и не сволочной руководитель. Соблюдая уставные нормы и правила иерархической субординации, Юсуф-Юзик ни разу никого не оскорбил, не унизил и даже не накричал. В отличие от многих других руководителей его уровня. Да и просто руководителей. Юзик имел статус чиновника 7 класса.

Я заговорил первым:

- Босс, вы сегодня мрачнее грозовой тучи. Надеюсь, это не по поводу результатов моего последнего расследования? По-моему, я провёл его блестяще?!

- Расследование, дорогой Алекс, вы действительно провели блестяще, - согласился босс, но в его глазах я увидел грусть. – Впрочем, как всегда. – И вдруг спросил. – Сколько на этот раз предлагали отступных? Говорите, не стесняйтесь.

Подобный откровенный вопрос за всю нашу совместную службу он задавал мне два раза. Всего два раза. Это третий. Да, третий раз. А это значит... Я тоже погрузтел.

- На этот раз предложили столько, что я мог бы безбедно прожить три жизни, - с печалью в глазах и в голосе ответил я.

- И вы опять отказались, - не спрашивал, а констатировал Юзик абсолютно безэмоционально. Это было что-то новое. – Напомните, пожалуйста, почему?

Ну, если шеф просит, надо напомнить:

- Для конторы брать считаю делом пошлым. Контора на законных основаниях получит свои отступные, пусть и гораздо меньшего размера, а я получу свой процент. Для себя брать глупо и... стыдно. Это лично мне. А глупо, потому что в худшем случае меня ждала бы тюрьма, в среднем – меня уволили бы с подмоченной репутацией и с «волчьим билетом», а в лучшем – я бы вышел сухим из воды и с большой суммой денег в огромном чемодане. При сегодняшней мировой консолидации политики и экономики скрыть банковский перевод невозможно. Именно такими делами я занимаюсь половину своей жизни. На это идут кретины, которые считают себя гениями, и самоуверенные гордецы, которые считают, что всех можно купить, а рука руку моет

- А это разве не так? – с хитрецей спросил Юзик.

- Как видите, нет, - ответил я так, как думал. То есть, простодушно. - Босс, вы меня знаете не один год. К чему эти детские вопросы?

Босс вместо ответа выдавил улыбку и мягко сказал:

- Продолжайте, Алекс, продолжайте. Вам необходимо выговориться, а я не прочь послушать.

Раньше таких капризов с его стороны я не замечал. Я улыбнулся в ответ и продолжил:

- Юсуф, моё жизненное кредо вы знаете. Но раз вы не прочь послушать, а мне, оказывается, необходимо выговориться, то слушайте. Главное в том, что, несмотря ни на что, всё ещё люблю свою работу и дорожу своей репутацией. Которая, правда, не для всех понятна. К тому же, жизнь без дела, это жизнь овоща. И каждый бездельник – овощ. А нормальному человеку неохота быть овощем. А я человек нормальный. Резюме: предпочитаю и дальше жить не овощем, работать ответственно и честно. За зарплату и законные премиальные за каждое выполненное задание.

- Ну-ну, - пробубнил Юзик и перевёл разговор на другую тему. - Полагаю, по прибытии из командировки диаграмму диафрагмы сделали?

Я утвердительно кивнул головой. Диаграмма диафрагмы – дополнительная забота руководства о нашем здоровье, введённая год назад. Впрочем, процедура не болезненная и много времени не отнимающая. Хотя, конечно, и не совсем понятная. Точнее, совсем непонятная. Зачем после каждой командировки делать диаграмму диафрагмы? Неужели недостаточно ежегодного скрупулёзного обследования? И почему именно диафрагмы? Что может с ней быть не так? Насколько я помню, это всего лишь перегородка, разделяющая грудную и брюшную полости. Какой секрет она в себе таит? Однако, ладно, я не доктор. Надо, значит надо.

Но почему Юзик об этом спросил? Если что-то не так, вызывали в медцентр, ставя, конечно, руководство в известность. Уже были такие случаи. Некоторых после лечения возвращали в строй, а некоторые исчезали бесследно. Кратко сообщали, что, в связи с ухудшением здоровья, переведены на другую, более спокойную, работу. За год вернули двоих, а исчезло пятеро.

Я припомнил детали процедуры недельной давности. Всё как обычно: положили на кушетку, приложили три присоски – две под сосками, третью на уровне солнечного сплетения - и включили аппарат. Через минуту всё было закончено. Необычным, разве что, можно посчитать гримасу доктора и пренебрежительный взгляд медсестры, глядевших на монитор аппарата. Тогда я на это вообще не обратил внимания. Может у них было плохое настроение.

- Что-нибудь не в порядке с диаграммой? – спросил я у босса.

Юзик усмехнулся второй раз.

- С диаграммой, как раз-таки, всё в порядке, - грустно ответил он. – Есть небольшие проблемы с диафрагмой. Пока это мелочь, крохотное тёмное пятнышко. Но затягивать нельзя.

- Требуется госпитализация? – спокойно спросил я.

Босс аж встрепенулся в кресле.

- К счастью, в этом нет необходимости, - поспешно ответил он. – Просто надо пройти курс лечения. Поглотать, например, пилюли.

- Надеюсь, не много. Терпеть не могу эту «химию».

Юзик развёл руки в стороны:

- Это вам скажет врач. После меня обязательно зайдите в медцентр. И это не просьба. Это приказ. – И, чтобы смягчить строгость, добавил. – Таковы правила, Алекс.

- Я всё понимаю, босс, - сказал я, приподнимаясь в кресле. – Это всё?

- В том-то и дело, что нет, - чуть раздражённо ответил Юзик и посмотрел в окно. – Есть новое дело. И как мне сообщили, очень срочное дело.

Глава 3

Я ждал. Юзик смотрел сквозь окно на медленно плывущие облака. Насмотревшись вдоволь, повернул голову в мою сторону.

- Надо провести расследование в психиатрической клинике, - выпалил он, глядя мне в глаза.

Я опешил.

- Это не моя епархия, - я начал растерянно оправдываться. – Это не мой уровень. Это нонсенс. Что я буду делать среди психов?

Услышав вопрос, босс дико ухмыльнулся.

- Мы всегда среди психов, а психи среди нас, - сказал он, а потом, неожиданно подмигнув добавил -. И непонятно, кто есть кто и кого здесь больше. Но вы, Алекс, на этот счёт не беспокойтесь. С психами будет разбираться другой специалист, наиболее подготовленный для подобной среды обитания. Ваша задача, дорогой мой, будет в другом.

- Неужели расхищение бюджетных средств в особо крупном размере? – с откровенным сарказмом спросил я.

- Я слишком дорожу своими кадрами, чтобы тратить их энергию на подобную мелочь, - очень серьёзно ответил Юсуф ибн Хасан Адиль. – Какие там крупные размеры?! Не смешите верблюда моего деда. Но проверкой финансовых документов вам всё же придётся заняться. Для прикрытия.

- А что я буду проверять на самом деле? – уже с любопытством спросил я.

Босс опять задумался, отвёл взгляд в сторону, потом его вернул обратно и, чувствуя непонятную мне неловкость, сообщил:

- Это сложное дело. Даже, если хотите, таинственное.

- А если не хочу? – плоско пошутил я.

- Даже если не хотите, вам придётся, - ответил как отрезал Юзик. – Вы не только самый опытный сотрудник, но и самый лучший инспектор. А дело, повторюсь, загадочное и крайне запутанное. Хотя и не исключено, что к лечебнице никакого отношения не имеет. Даже вероятнее всего, что не имеет. Но проверить надо. – Помолчав, как бы по секрету прошептал. – Тем более, что это не моя инициатива, а приказ сверху.

Вот это да! В моей практике такое случилось впервые. Приказы, естественно, сверху поступали, но персонально распределял их уже Юзик. Сверху в кадровую политику нашего отдела настолько жёстко никогда не вмешивались. Могли советовать, но не приказывать. Что такое должно было случиться, чтобы «Верховный» нашей конторы лично занялся моей персоной?

Я понял, что с пилюлями придётся повременить. Откинувшись в кресле и закинув ногу на ногу, я повторил вопрос:

- Так что конкретно проверять-то, босс?

- Не спешите, - ответил Юзик и, поднявшись с кресла, подошёл к окну. Видимо, чтобы лучше рассмотреть небо и облака. – Вы помните последний указ ООН, касающийся психиатрических клиник? Только не тот, который объединил подобные учреждения, делящиеся ранее на открытый и закрытый тип, в один тип – закрытый.

Я напряг память и, конечно, вспомнил. Сразу после большой войны, перед тем как нырнуть в реку забвения Лету, на предсмертном заседании ООН и подавляющим большинством голосов было принято странное решение о разделении психически больных людей на сумасшедших и душевнобольных. Меня тогда эта тема не заинтересовала и в детали я не вдавался. Я не понимал в то время, в чём между этими категориями разница. Я не знал, в чём суть этого вопроса или этой проблемы. Не понимал я этого ни тогда, ни сейчас. Для меня данная ситуация в данный момент не являлась ни вопросом, ни проблемой.

- В общих чертах, - ответил я честно.

Босс повернулся ко мне лицом:

- Какой-то умник из окружения последнего Генерального секретаря ООН высказал странную и мифологическую мысль... или, скорее, мистическую гипотезу, что главная причина зем-

ных катастроф, войн в том числе, состоит в том, что всякая земная власть слишком ненавистно относилась и относится ко всякого рода безумцам, которые ищут и собирают по крупицам какую-то великую Истину. Забывая гуманности, которой не лишены даже отъявленные злодеи, эти наивные искатели и собиратели нещадно преследовались и уничтожались. Дальше следовала вообще сумасбродная и дикая мысль. Мол, если они все погибнут, то погибнет и этот мир. Приводили в пример какой-то древний миф о праведнике Лоте, о разрушенном городе Содоме и прочее. И вот этот миф наложили на всю последующую историю и пришли к выводу о гуманном отношении не только к уголовникам, но и к сумасшедшим. Додумались?! Полный бред. С любой здравомыслящей точки зрения.

Посмотрел прямо мне в глаза, ища поддержку. Не найдя таковой, продолжил:

- Но решили подстраховаться и отделить зёрна от плевел. Теперь плевелы разрастаются в сумасшедших домах, а зёрна чахнут в домах для душевнобольных.

- А в чём разница между сумасшедшим и душевнобольным? – поинтересовался я.

Юзик как-то поник, скукожился, но попытался объяснить:

- Ну, сумасшедшие, это те, которые лишены разума. У кого полный и частичный когнитивный диссонанс. А душевнобольные, это те...

Тут он окончательно сначала замялся, а потом застопорился. Я решил помочь:

- У кого болит душа.

- По логике оно вроде так, - сказал босс, явно чувствуя себя не в своей тарелке. – Но в виду неопределённости местонахождения души, да и вообще бездоказательности её явного существования, руководство ГСМ приняло кардинальное решение выбросить в утиль все слова с корнем «душа». А диагноз больных и название лечебницы переименовать. Какой там пишут диагноз, я не знаю, но больных классифицируют, как «прокажённые», а больницы официально называют лечебницами для прокажённых. Их там берегут и о них заботятся.

Зачем мне все эти подробности? Я не понимал.

- Я рад за них, - сказал я, показывая нарочито своё безразличие. – Но где в этой схеме я?

Юзик вернулся в кресло. Я видел, как он собирается с духом.

- В этой схеме, Алекс, вы главная фигура, - сказал он тоном, не терпящим сомнений и возражений. Только кого он больше хотел в этом убедить: меня или себя? – Вы в ней и резистор, и конденсатор, и транзистор, и диод, и... прочие структурные компоненты. Официально ваша миссия представлена, как служебная проверка – не расследование, а именно проверка – документации, в том числе, конечно, финансовой, общее состояние помещений и больных, компетенцию медперсонала и прочее. – Видя, что я хочу неистово возразить, поспешил меня опередить. – Вот для всего прочего у вас будет напарник.

Это другое дело. Ведь какое мне, финансовому дознавателю, дело до общего состояния помещений и больных? А тем более – до компетенции медицинского персонала?

- Кто? – спросил я. – Кто-нибудь из нашего медицинского центра?

- Кто-нибудь из нашего медицинского центра может дать пилюлю и сделать укол, - ответил босс, показав мимикой своё к ним отношение. – Вашим партнёром будет представитель ВОЗ.

- А ВОЗ и ныне там, - пошутил я по этому поводу.

- Там, - поддержал мою шутку Юзик. – И, как и раньше, этот ВОЗ наполнен золотыми динарами. Даже с верхом. Легализация наркотиков и свободная продажа психотропных средств лишь увеличили золотую гору. Так вот, Алекс, вашим напарником и номинальным начальником будет опытный агент этой организации – Ната Гарпа. Чиновник шестого класса и, если верить слухам, решительного и жёсткого нрава. Из аристократии.

Я подавил раздражение и сказал:

- Босс, мне нет никакого дела ни до её решительного и жёсткого нрава, ни до её шестого класса, ни до её голубой крови. Что лично я должен конкретно расследовать?

Юсуф, вместо конкретного ответа на мой конкретный вопрос, опять начал витать в облаках и рассуждать на душевно-сумасшедшие темы:

- На чём я остановился? Ах, да, на прокажённых. Не все они находятся в изоляции. Живут они и среди нас. Их не трогают, пока они ведут пассивный, инертный образ жизни. Они, естественно, трудятся и приносят обществу пользу. Но за ними ведётся постоянное наблюдение. Мониторинг. И стоит им перейти из пассивного состояния в активное, их изолируют. В целях безопасности и для общего блага. Прокажённые до 4 класса находятся на общих основаниях в сумасшедших домах. Начиная с 5-го класса, прокажённых содержат в отдельных изолированных и охраняемых клиниках, как необходимая крайность для поддержания мира в мире.

- А откуда такая осведомлённость посторонней для нашего ведомства темы, Юсуф? – поинтересовался я, раз всё равно приходилось слушать.

Если босс на чём-то сосредоточился или, как говорится, заикнулся, переносить акцент его внимания на что-то другое бесполезно. Да и небезопасно. Шеф всё-таки, хоть и неплохой.

- Да нам как-то на курсах повышения квалификации читали лекцию, - ответил Юзик, отведя опять взгляд на окно. – Для общего развития. Так вот, в этих клиниках находится элита: бывшие чиновники высокого ранга, учёные всех мастей, философы всевозможных направлений, религиозные проповедники и литераторы с именем. Первых прокажённых в общей массе сумасшедших тихо и незаметно утилизируют. Там свой лимит вместимости. Вторых – берегут.

- Под охраной стражи, собак и автоматов, - дополнил я наугад.

- Наверное - сказал босс, пожав слегка плечами. – В любом случае, для их же блага. В каждом государстве имеется хотя бы одна такая клиника. Всё зависит от размеров государства.

- Размер, всё-таки, имеет значение, - я внёс ещё одну ремарку.

- Всегда и во всём, - серьёзно и категорично подтвердил мою иронию Юзик. – Разница лишь в количестве лечебниц и душевнобольных.

- Прокажённых, - поправил я.

- Да, прокажённых, - согласился босс. – И до недавнего времени в этой сфере всё было тихо и гладко. И всем было наплевать, какие речи они ведут между собой.

- И что случилось в недавнем времени? – спросил я откровенно безразлично, теряя всякий интерес к этой теме в частности и к заданию в целом. – Психи сбежали и растворились в народной массе? И я буду помогать их отлавливать?

- Это было бы меньшее из зол, - горестно сказал Юзик, будто это касалось его лично. – И мы могли бы о нём узнать только из сводок внутриведомственных новостей. Локальный инцидент. Мелкая неприятность, устранение которой было бы возложено на местных агентов, полицию, гвардию. Неприятное дело. Мне очень жаль, Алекс.

Босс замолчал, а я задумался. Почему ему очень жаль? И почему он тянет с точной формулировкой задания? Подтверждая мой вопрос, Юсуф спросил:

- Алекс, вы телевизор смотрите? Новости? Фильмы? Шоу?

- Юсуф, неужели вы меня считаете кретином? – улыбнувшись, ответил я вопросом на вопрос.

- Согласен, пример не совсем удачный.

- Пример совсем не удачный, - поправил я.

- Ну по интернету-то хоть изредка бродите? Так, чисто для развлечения.

На этот раз я рассмеялся. Не для того, чтобы оскорбить босса, а для того, чтобы отстал с вопросами, не относящимися к делу. Но на заданный вопрос ответил:

- Подобные развлечения сначала ведут к разжижению мозга, потом – к расстройству нервной системы, а уже после – либо в сумасшедший дом, либо в команду агрессивных пропагандистов. Я смотрю только научно-популярные передачи по интернету, выбирая по своему вкусу и настроению на данный момент. Но я не считаю это развлечением. Это релаксация.

Отдушина. Странное слово, правда? Это и вентиляционное отверстие, и увлечение, которое спасает человека от рутины, от стресса, от окружающих, бывает, что и от самого себя.

- Не вижу в этом слове ничего странного, - сказал Юзик, а по его глазам я понял, что он действительно не понимает. – Обычный омоним.

- Нет, Юсуф, не обычный. Разные значения имеют один корень, запрещённый к произношению в телевизоре, в интернете и в жизни. И слово это - «душа».

Босс осознал свою оплошность с выбранной темой. Он перестал ходить вокруг да около, махнул рукой и вернулся к разговору о деле:

- Расследуемый объект находится в Налибокской пуще. Это в...

- Я знаю, где это, - бестактно прервал я босса. – Когда-то, давным-давно, я был в тех местах. В детском санатории, который так и назывался «Налибокская пуща».

Юсуф насупил брови, а я признал свою ошибку.

- Извините, шеф, сорвалось, - сказал я, изобразив на лице виноватый вид. – Внезапно нахлынувшие воспоминания далёкого детства.

Шеф понимающе закивал головой.

- Я тоже иногда тоскую, вспоминая Басру, - сказал он, буравя меня пристальным взглядом.

- Я не сказал «тоскую», - с улыбкой поправил я, хотя, конечно, соврал. – Я сказал о внезапно нахлынувших воспоминаниях.

Юзик отвёл взгляд:

- Ладно, воспоминаниями будем заниматься в старости. Хотя, при желании, вы можете посетить плод ваших воспоминаний. Если будет время. Но если, всё-таки, успеете, будьте осторожны. Я человек любопытный, поэтому изучил по интернету те места. На месте вашего лагеря теперь строго охраняемые уголья для элиты. Могут невзначай подстрелить.

- Я не собирался посещать лагерь, а уж к элитным охотникам на рожон не полезу и подавно, - на всякий случай сообщил я.

- Тем лучше. Клиника находится от этих мест примерно в восьми километрах к юго-западу. Во время большой войны там располагался госпиталь для крупных военно-политических чинов. А построен он был заблаговременно и предусмотрительно перед началом активных боевых действий. И всегда был объектом особо секретным и особо охраняемым. Конечно, до вступления в силу больших социально-политических реформ.

- Всё это очень познавательно, - сказал я, зевнув. – Вы сегодня как никогда красноречивы, босс. Но я до сих пор так и не понял своей задачи?!

- А вот теперь мы к ней вплотную и подошли, - сказал Юзик, положив руки на стол и скрестив пальцы. – В радиусе десяти километров от клиники для прокажённых, в разных точках этой округности, работает радиопередатчик. На разных частотах и волнах. Без определённой временной системы. Возможно, он не один. Я не техник, я не знаю этих тонкостей, но «эти кто-то» глушат популярные радиопередачи, вклинивая на эту же частоту свои передачи. Подобный трюк продлевается на государственном телевидении. Это невероятно, но это факт! – Мне показалось, что последнюю фразу он воскликнул с восторгом. – Лучшие умы не могут понять этот научный феномен. Никто, конечно, и не подумал бы подозревать душевнобольных, но уж больно транслируемые передачи схожи с их бредом.

- Прокажённых, - я опять поправил босса.

На этот раз босс поморщился:

- Сейчас это не важно. Но и это ещё не всё. Эти неизвестные умудряются распространять свой опасный вздор и в интернете. А он сегодня под таким контролем, что ни один подозрительный «лайк» не проскочит незамеченным.

Я был ещё больший не техник, поэтому всем этим техническим преступлениям ничуть не удивился. Уверенность невежды в бесконечных возможностях науки и техники.

- Может через аккаунт клиники? – выдвинул я смелую гипотезу. – Или через аккаунт кого-нибудь из персонала этого учреждения?

Юзик посмотрел на меня, как на кретина. И мне от этого взгляда стало стыдно.

- Если бы это было так, то преступника или преступников изобличили бы в считанные секунды, - объяснил он мне как ребёнку, избегнув прямого оскорбления. – Наша контора вынуждена вмешаться только по той причине, что все усилия местных властей оказались тщетны. Ни проверка персонала, включая, естественно, весь контингент клиники, ни тщательный осмотр здания, ни прочёсывание леса с собаками ничего не дали. По территории в сто квадратных километров постоянно курсирует передвижной радиолокатор, который радиосигналы перехватывает, но, по прибытии на место излучения, ничего не находит. И это очень и очень странно.

Для меня, конечно, это тоже было странным. Но я размышлял как дилетант.

- Какое-то аномальное явление, - очень точно подметил я, почесав подбородок. – Ведь, наверное, чтобы глушить один радиосигнал и заменять его другим, нужна мощная радиостанция, а не портативная рация?!

- Да уж, наверное, и не радиопередатчик за плечами, - поддержал меня босс, а его карие глаза вспыхнули. – И ведь что самое интересное: источник сигнала всегда находится на максимальном расстоянии от радарного «кунга»! Впечатление такое, будто этот скрытый и таинственный враг видит этот «кунг»! Они его выслеживают, а он их наблюдает! Но как?

Я развёл руки в стороны.

- Если в этой игре пасуют спецы, то мне не следует даже садиться играть, - сказал я веско.

На этот раз плоско пошутил Юзик:

- А сыграть придётся. Либо играть, либо садиться.

Мне ничего не оставалось, как поддержать эту дурацкую шутку:

- В таком случае, когда выбор поставлен ребром, предпочту сыграть. Главное, чтобы не было краплёных карт и спрятанных в рукаве джокеров.

Босс опять посмотрел в окно. Что-то часто он туда смотрит?! Ждёт голубя с весточкой?

- Моя задача, я так понимаю, весь контингент клиники? – спросил я. – Человеческий ресурс?

Юзик сразу оживился:

- Да. Изучение людей, внутренней атмосферы, присутствие при беседах госпожи Гарпы с пациентами. Изучайте, подслушивайте, подсматривайте, записывайте. В конце предоставите мне отчёт о проделанной работе.

- Писать буду, - пообещал я. – Меня всегда тянуло к этому виду творчества. Это не какой-то там скучный аудит. Вот только подслушивать и подсматривать я не стану. Это не мой метод.

Я ждал убеждений, доводов в необходимости применения старинных методов дознания.

- Хорошо, пусть будет так, - как-то безразлично согласился Юсуф. – Теперь о напарнике. Завтра она прилетает из Амстердама. Поедете в аэропорт, встретите, там и познакомитесь. Необходимые сопроводительные документы получите у моего секретаря. Сообщения в клинику о вашем прибытии дадим за час до вашего туда приезда.

Я встал. Юзик, почему-то, тоже.

- Будьте осмотрительны с напарником, - посоветовал он вдруг, протягивая руку для прощания.

- А разве есть основания для недоверия? – спросил я, не чувствуя подвоха.

- В нашем мире вопрос надо ставить так: а разве есть основания для доверия? – ответил босс.

Я пошёл к выходу. Но напоследок шеф ещё раз меня ошарашил:

- Мне будет вас не хватать, Алекс. – И тут же переместил акцент моего внимания. – Натю Гарпу привезёте сначала ко мне. Хочу перекинуться с ней парой слов.

Глава 4

Выйдя из кабинета шефа, я принял протянутую секретарём застёгнутую кожаную папку, поблагодарил его за пожелание удачи и пошёл в медцентр за таблетками. Глотать их я, конечно, не собирался, но создавать конфликт на ровном месте глупо.

Уже три месяца, как посещение нашего медучреждения навевает на меня тоску. До этого я ходил туда с удовольствием. Как многие ходят с удовольствием в стриптиз-бар, в театр или в аптеку за наркотиками. А я ходил даже просто так. Якобы посоветоваться. И получал огромное удовольствие. Но удовольствие мне доставляло не само белое и стерильное, со специфическим запахом, помещение, а присутствие на рабочем месте девушки-фармацевта, украшавшей для меня весь наш ОРГАЗМ. В то время даже в командировки не хотелось отлучаться.

Обычная девушка, не сногшибательная красотка, в современном понимании красоты, с длинными тощими ногами, большими голубыми глазами с метровыми накладными ресницами, с увеличенной силиконом грудью, с надутыми с помощью липофилинга губами и ягодичами. Но мне она нравилась. Даже очень. Прежде всего, наверное, своей бесхитростной, непосредственной доброжелательностью, открытостью, не плоским и не пошлым юмором. И вдруг три месяца назад она уволилась и уехала в родные места. Как мне сказали: отбыла по месту рождения. Но я-то не знал, где находится её место рождения!

Уехала, даже не попрощавшись. Я понимаю, что это эмоции. Мои эмоции. Без взаимности. Может я вообще всё себе придумал? Ведь мы ни разу не были ни на свидании, ни на романтическом ужине в ресторане, ни, тем более, на вечернем совместном чаепитии с бутылкой «Мерло» на столе. Ничего между нами не было, но я по ней тоскую. Я сам от себя такого не ожидал. Я тоскую по знакомой незнакомке – Анне Бениговой.

В среде нашего медперсонала много симпатичных женщин. И с точки зрения эстетики, в лице среднестатистического эстета, превосходящих по красоте и стройности Анну. Но мне запала в душу именно она. Был в ней какой-то магнит, который неодолимо меня к ней притягивал. А все остальные девушки были для меня просто симпатичными, красивыми, сносными и несносными. Нет, я не скажу, что отказался бы от ни к чему не обязывающего секса с многими красивыми, симпатичными и сносными женщинами. Но с радостью возвращаться домой после работы и коротать зимние вечера у камина за приятной беседой ни с одной из них мне не хотелось бы. В этом я был уверен. Чисто интуитивно.

Когда я зашёл в медцентр, одно из этих милых созданий, дежурный фармацевт, сидело на стуле, закинув стройные ножки на второй стул, тыкало ноготком в смартфон, беззвучно шевеля пухлыми губками, и тихонько похихикивало.

Я назвал своё имя. Она отложила смартфон, от недовольства ещё сильнее надув губы, сняла со стула ножки и, оттолкнувшись ими от пола, подкатилась на стуле к компьютеру.

- Почему так поздно пришли? – спросила она строго с безразличным взглядом синих глаз.

- Был на срочном задании на юге Антарктиды, - браво отрапортовал я.

- Это меняет дело, - смягчился фармацевт. – Там сейчас хорошо: солнце, тёплые и ласкающие волны моря, кричащие чайки над водой...

- Я там видел только императорских пингвинов и пингвинов Адели, - серьёзно ответил я, перебив фантазии девушки. – Может я был не с той стороны Антарктиды?!

- Может быть, - капризно согласилась дежурная, уже поджав губы. – Болезнь нельзя запускать. Вам следовало начать курс лечения сразу же.

Я не стал ей объяснять, что только что узнал о болезни.

- Вы врач? – спросил я вместо этого.

Дама в белом халате ещё сильнее поджала губы.

- Вот вам упаковка прописанных врачом таблеток, - сказала она, протягивая ленту с таблетками. – Принимать по одной в день. Желательно утром после завтрака. В течение десяти дней.

- А почему желательно с утра? – дотошно полюбопытствовал я.

- Лучше торкнет, - отрезал фармацевт. – Идеально было бы натошак. Но можно склеить ласты.

- Спасибо за информацию, - с улыбкой поблагодарил я. – Вижу теперь, что вы настоящий врач.

Девушка наклонилась ко мне и прошептала:

- Если хотите увидеть грани миров, заглоти штук пять сразу.

- А если ещё больше? – спросил я, уже играя.

Она тоже играла. А почему бы и нет?

- Если больше, свалитесь в другой мир и там останетесь. Наркотик-то не слабый.

- Так это наркотик? – спросил я с искренним удивлением.

- Вы не из Антарктиды, вы с Луны свалились, - захохотала фармацевт. – Все хорошие лекарства содержат разную степень наркотических средств. Всё остальное плацебо.

Девушка улыбнулась и, согнув в локте руку, пошевелила тонкими длинными пальчиками. Я улыбнулся в ответ и в голос прочитал название:

- Consientia nebula. Красивый язык.

- Особенно для тех, кто его не понимает, - ответила девушка, взяв смартфон и откатившись на прежнее место.

Она ошибалась. Я понимал. Не всё, конечно, но многое.

Направляясь в свой кабинет, я поймал себя на мысли, что мне там делать нечего. Я в любом случае поймал бы себя на этой мысли, но, поймав раньше, сэкономил своё время и свою энергию. Я развернулся и пошёл к выходу. Ната Гарпа прилетит завтра в восемь ноль-ноль. Я её встречу и отвезу к боссу. А сегодня можно устроить ещё один выходной. А поеду-ка я на лодочную станцию. Возьму вёсельную лодку и пойду по Висле. Нет, чтобы пойти, надо брать катамаран. Я не моряк, поэтому просто поплыву по течению Вислы. Наедине с природой и с собой. Людям не хватает катастрофически отстранённого уединения. Но о чём, интересно, хочет перекинуться парой слов мой шеф с сотрудником ВОЗ Натой Гарпой? Причём, наедине. Очень интересно.

Назавтра мне этот вопрос уже был не очень интересен. На своём не первой молодости «Пежо» я подъехал к терминалу аэропорта имени Фридрика Шопена. Причём, заблаговременно – в 7.35. Начальник не должен ждать подчинённого. Особенно, если этот начальник дама.

Кстати, касательно Фридрика Шопена. Касательно не личности выдающегося композитора и пианиста, а аэропорта его имени. Я ещё из прошлой истории помню, что во время Второй мировой войны он был полностью разрушен. На построение нового аэропорта потребовалось много времени, усилий и затрат. Когда же в последнюю войну его опять сильно потрепали, поступило (от кого, неизвестно) предложение поменять Фридрика Шопена на Зигмунда Пулавского. И лишь полностью уцелевший бюст композитора, установленный перед входом в терминал, позволил сохранить статус-кво. Увидев в этом знамение, Сенат Национального собрания, в долгих прениях, вынес вердикт, что бессмертие они отменять не имеют юридического права. И заменять бессмертие композитора на бессмертие авиаконструктора тоже.

Я вышел из автомобиля размяться. Было ещё прохладно. Но день обещал быть хорошим. Земля, вращаясь вокруг Солнца, начала поворачиваться к нему двадцать первым градусом восточной долготы. В тропосфере не было ни одной тучки. Лишь высоко в мезосфере, на востоке, были видны крохотные серебристые облака. Красота!

Мне незачем было заходить внутрь. Меффрау Гарпа позвонит мне на мобильный, номер которого Юзик сообщил ей без моего на то согласия, и мы соединимся для плодотворного профессионального союза на неопределённый срок. Хотя формально моя командировка была оформлена на десять дней, начиная с сегодняшнего, мне хочется управиться быстрее. Не нравится мне это задание. Оно мне кажется подозрительным. Никаких вразумительных доводов своему подозрению я привести не могу. Могу лишь сослаться на свою интуицию. Не профессиональную – человеческую. Которая направлена не по отношению к другим, а вглубь себя. Вот чувствую, как принято говорить, нутром, что здесь кроется какой-то подвох. И диаграмма диафрагмы мне тоже кажется процедурой подозрительной.

А разве нет? Даже если отбросить интуицию, как что-то эфемерное, не имеющее права служить доказательной базой, то и с точки зрения здравого смысла возникает много вопросов. Чтобы заподозрить неладное в этом деле, не надо обладать мощным аналитическим умом. Где я и где террористы? Где я и где психи? Зачем я им понадобился? Согласен, опыта и ума мне не занимать. Почему-то сегодня я от этой фразы не получил удовольствия?! А ведь когда-то получал. Но что есть, то есть и чего не отнять, того не отнять. Но мой опыт, ум и знания лежат в совершенно иной плоскости! Ничего не понимаю!

Метрах в пятидесяти стояла толпа с лозунгами на транспарантах. Неужели социальный протест? За последние пять лет я такого инцидента не припоминаю. В мире царит мир. В целом. А чтобы целое всегда было целым, его надо расчленить и всегда держать разрозненно. Но с единым центром управления. Исключение – мир искусства. Он не знает границ, но знает жёсткие правила поведения и не менее жёсткую цензуру. Не только кабинетную, но внутреннюю, в виде доблестных гвардейцев охраны. Они охраняют всех от всех и могут увести любого не только из зрительного зала, но и прямо со сцены. Не забалуешь. Всплеск эмоций разрешён в строго указанном направлении.

Я подошёл к стоявшему чуть поодаль уже зрелому мужчине в кепи, молча наблюдавшему разношерстную толпу, состоящую преимущественно из женщин разных возрастов.

- День добрый, пан, - поздоровался я, встав рядом.

- Да, неплохой денёк должен быть, - согласился пан.

- Протестуют против отсутствия авиарейсов к Северному полюсу? – спросил я, кивнув головой в сторону наэлектризованной толпы.

Пан посмотрел на меня подозрительно, но, не увидев в моих глазах и в моей одежде опасности для себя и окружающих, смягчился и ответил почти дружелюбно:

- Вы что, псих? Там же негде построить взлётно-посадочную полосу. Сплошные торосы. Какие могут быть авиарейсы к полюсу?!

Он начал не меня регулярно поглядывать и нетерпеливо топтаться на месте, ожидая, видимо, новых вопросов. Я принципиально молчал. Не дождавшись интереса с моей стороны, пан взял инициативу себе и прояснил ситуацию:

- Ждём нашего чемпиона, чтобы проводить его на чемпионат мира в Даллас. Наша гордость.

Тут уж и я поддержал разговор, поинтересовавшись:

- А чемпион мира в каком виде спорта?

- По поррозету, - ответил пан кратко, но непонятно.

Я знал, что человечество придумало уже столько видов спорта, что вспомнить и перечислить их все человек попросту не в состоянии. Мне стало любопытно

- И что это за новый вид спорта? – спросил я, показывая всем своим видом удивление.

Пан неожиданно с удовольствием пустился в пространные объяснения:

- Ну, вообще-то, этот вид спорта пока ещё не признан на официальном уровне. Хотя ему уже семь лет. Так что, все чемпионаты проводятся на общественных началах и официально результаты не фиксируются. Но все мировые спорткомитеты и вся мировая общественность

громогласно стучит в двери НОКа. Мы требуем официального признания поррозета не только видом спорта, равным другим спортивным дисциплинам, но и участия в Олимпийских играх. И у нас есть хорошие шансы этого добиться. Нас не так уж и мало. Наши лоббисты уже заинтересовали многих чиновников самого высокого ранга. И не только в НОКе. Они добрались и до ГСМ. У нас хорошие спонсоры.

Получив информацию, я не получил ответа на свой вопрос. Я спросил ещё раз:

- Так в чём же суть этого вида спорта?

Впервые пан радостно улыбнулся и кратко, но точно и доходчиво объяснил:

- Суть в том, что все ссут. – Потом, смягчив жёсткость последнего слова, пояснил, - Писают. Кто дальше, тот и чемпион.

- Вы серьёзно? – спросил я ошарашенно.

- Конечно, - горделиво ответил пан. – А чем наш вид спорта хуже других? Он ничуть не хуже, чем толкание ядра, например, чем бросание копья или молота. А дартс и в подмётки не годится поррозету. Зрители определяют популярность. А они в большом восторге. Особенно прекрасные наши женщины. Они кричат, вопят и неистовствуют, размахивая биноклями. Кстати, спрос на бинокли по всему миру возрос в три раза. И всё благодаря активным действиям популяризаторов этого вида спорта. – И вдруг лицо его омрачилось. Вместо радости появилось грусть. – Вот только МОФ ставит палки в колёса.

- МОФ, это кто? – спросил я, понимая, что отстал от жизни.

- Международная Организация Феминисток, - сквозь зубы ответил пан. – Они обвиняют нас в сексизме. Когда же мы предложили им организовать свой спорткомитет по поррозету, они обвинили нас в изощрённом издевательстве над всеми женщинами мира и грозят подать в суд, предъявив иск в умышленном попрании прав женщин и в нарушении равноправия. Бред. Они сами себе противоречат. – И опять улыбнулся. – Но большинство женщин на нашей стороне.

В это время подъехал минивэн. Из него вышли двое мужчин, три женщины и мальчик лет десяти. Все они улыбались.

- Ещё одна группа поддержки? – спросил я.

- Можно и так сказать, - ответил пан. – Высокий молодой человек, это наш чемпион. Рядом с ним его тренер, по другую сторону плеча его жена и сын, а девушки, идущие позади, врач и массажист.

- И что же она ему массирует? – не удержался я от провокационного вопроса.

Пана, однако, мой вопрос не смутил и не оскорбил.

- В нашем спорте важны все части тела, - ответил он.

Он давал ответы на все вопросы.

- А вы кто, уважаемый? – задал я последний вопрос.

- Я председатель спортивной федерации поррозета, - ответил коммуникабельный пан и рванул к чемпиону с компанией.

Провожая взглядом делегацию активистов нового вида спорта, я увидел выходящих из терминала аэропорта людей. Значит, пока я мило болтал с председателем, благополучно приземлился самолёт «Амстердам – Варшава».

Большинство пассажиров направлялось к стоянке такси. Моё внимание привлекла брюнетка в брючном деловом костюме серого цвета. Достав из сумочки броского пурпурного цвета смартфон, она стала водить по экрану пальчиком. Я понял, что этот пальчик ищет номер моего телефона. Ещё я отметил контраст костюма и сумочки. Но делать выводы о характере на основании этого контраста не стал. Слишком мало улик. Нет, если бы я был известным психологом, то только по одной этой примете определил характер оной дамы. До мельчайших подробностей.

Я пошёл напрямик к ней. Подойдя почти вплотную, из моего внутреннего кармана пиджака заиграла мелодия «Лунной сонаты» Бетховена. Многие повернули головы в мою сторону. К такой реакции прохожих я уже привык. Это на рэп, рок и попсу никто не обращает

внимание – у всех эти музыкальные стили на слуху. Мой взгляд и взгляд Наты встретились. Меня обдало холодом.

- Мистер Алекс Фидест? – спросила дама лет сорока, несмотря на ухоженность и макияж.
- Леди Ната Гарпа? – спросил я в ответ.

- Можно без «леди», - ответила она, протягивая мне ручку дорожного чемодана.

- Можно без «мистера», - ответил я любезностью на любезность, послушно хватая ручку.

Мы подошли к моему «Пежо».

- Играете в демократичность? – безучастно спросила Гарпа.

- Я уже давно ни во что не играю, - ответил я, запихивая чемодан в багажник.

- Главная игра вашей жизни ещё впереди, - обыденным тоном сообщила мне важную новость.

- Вы ясновидящая? – съязвил я.

Ответ прозвучал, как взмах сабли – хлётко и без шансов увернуться.

- Ясновидящий тот, кто владеет полнотой информации и способен эту информацию правильно сортировать и анализировать.

- Чтобы владеть полнотой информации, надо иметь доступ к первоисточнику, - парировал я. – Но ведь и первоисточники могут быть намеренно искажены. Будь этим первоисточником человек, компьютерный файл или бумажный документ.

Госпожа Гарпа не осталась в долгу:

- Вот для этого и нужен талант аналитика. С его знаниями, опытом, интуицией.

Я задержал одно весло, крутанул другим и перевёл разговор в другое русло:

- А вы с задания на задание? Без отдыха и релаксации?

Мы уселись в автомобиль.

- Я люблю свою работу, - сказала Ната, поправляя пальцами причёску «каре». – Но не до такой степени. В Амстердаме я отдыхала. – И с вызывающей откровенностью добавила. – Снимала стресс и получала заряд бодрости в сексуальных утехах. Для меня это лучший отдых. А для вас?

Я тоже ответил откровенно:

- Если бы я так сексуально насыщенно отдыхал, то, если бы и не умер в экстазе, как минимум полгода был бы недееспособен. Предпочитаю природу, животных, уединение. – И, следуя откровенности, граничащей с развязностью, которая давно считается нормой общения, спросил в лоб. – Ната, вы замужем?

Зачем я это сделал, не знаю. Она мне не понравилась и мне не было никакого дела до семейного положения и сексуальных утех. Но что сделано, то сделано. Слово не воробей...

Ещё чего! – возмутилась дама, будто я её чем-то оскорбил. – Зачем мне эта обуза в виде мужа и детей?! В лучшем случае. А в худшем – «наручники» и «кандалы». – И следом выдала ещё одно откровение. – К тому же, Алекс, я предпочитаю молодых крепких девушек.

Я радостно воскликнул:

- Надо же! Представьте, я тоже! А у нас с вами, оказывается, много общего.

- Поехали уже, шутник, - иронично улыбнувшись,скомандовала уже просто женщина.

- Меня это здорово бодрит, - сказал я и нажал на газ. – К нашему любимому боссу Юзику.

Глава 5

- Вы можете остаться в вашем раритете, - сказала мисс Гарпа, когда я остановил автомобиль на парковке офиса ОРГАЗМа. – Ваш босс хочет о чём-то поговорить именно со мной. Если, конечно, вы не хотите что-то уточнить или что-то взять из своего кабинета.

- Я в курсе вашей предстоящей беседы, - нагло соврал я. – Мой босс уже советовался со мной по этому вопросу. А в свой кабинет я захожу только в случае крайней необходимости.

- Можете раскрыть вопрос, чтобы мне подготовиться к ответу? – попросила хитрая Ната.
- Нет, - отрезал я. – Это нарушение субординации и корпоративной этики.

Она рассмеялась и направилась к входу в здание.

Вместо того, чтобы поразмыслить над действительно важными темами, я глупо и эгоистично стал себя оправдывать и возвышать. Тешить своё самолюбие. Со мной давно такого не было. Но у меня давно не было и напарника. С тех пор, как я стал мастером своего дела. Неужели возможное соперничество меня так задело?

Операция поручена нашему отделу, а Юзик, естественно, является руководителем и куратором. И пусть эта Гарпа выше меня по социальному классу и считается формальным руководителем нашего дуэта, но на деле-то я буду вести главное расследование. А она всего лишь подсобник. Даже мельче – прикрытие, декорация, антураж. Я убедил себя, что именно этот постулат в тактичной форме и хочет донести мой босс моему кратковременному напарнику. Ещё в своё оправдание приведу знаменитую фразу: «Эрраре хуманум эст». Только применимо к глупцу это выражение возводится в квадрат, а применимо к эгоисту – в куб. А я себя повёл как эгоистичный глупец. Мальчишка!

И тут моё натренированное боковое зрение зафиксировало выходящего из офиса моего коллегу из статистического подотдела «Перечень опасных преступных ассоциаций» (Попа) Алопека Куриосуса. Типа мерзкого, мелочного, подлого и хитрого, мечтавшего о повышении своего статуса и о переводе в другой подотдел, чтобы иметь возможность из всего этого извлекать дополнительные ресурсы для своей ничтожной жизнедеятельности. Неустанный собиратель всякого рода информации обо всём и обо всех, включая, в первую очередь, сослуживцев из ОРГАЗМа, и не брезгующий сплетнями всех уровней. Впрочем, подобные типы были типичны для всей мировой чиновничьей номенклатуры. Они не являлись эндемиками. Их ареал обитания – все Структуры Огромной Системы (СОС).

Правда, есть одна отличительная черта нашего Алопека от других алопекоподобных. Хотя, вполне допускаю, в силу невозможности объять необъятное, что встречаются типы и похуже. И опять-таки: хотя, куда уже хуже?!

Алопек в четырнадцать лет собрал убойный компромат на своего отца и целых шесть лет шантажировал того. Вплоть до неожиданной смерти своей матери. Отец был управляющим, а мать владелицей (наследство отца) судостроительной компании. После смерти матери, Алопек продал своему отцу за крупную сумму часть своих акций, полученных в наследство, и пустился в приключения и коммерческие авантюры. Конечным результатом всей этой эпопеи явилась служба агентом третьего класса в нашей конторе. И то поговаривали, что проник он сюда за крупную взятку, которую Алопек дал из оставшихся своих сбережений нашему дороговому Юзику.

И если последнее деяние покрыто мраком, то не по-детски детский шантаж отца факт достоверный. Ни отец, ни сын не скрывали этот жизненный эпизод от общественности. Отец уличал сына в кощунственном преступлении, желая сломать ему карьеру и жизнь, а сын гордился своим поступком и выставлял его напоказ. Алопек гордо заявлял: «Я против обмана родных людей. А этот человек обманывал мою мать. И денежно, и сексуально. Я за честность и высшую справедливость. Я его наказывал, только жалею, что мало. Я уверен, что он убил мою мать. Но доказать, к сожалению, не могу».

К моему удивлению, общественность отнеслась к нему не только снисходительно, но и благосклонно. И ни один суд не признал его деяния преступными. Помелькав еще с неделю «героем» в жёлтой прессе и в интернете, он сначала ушёл в тень, а потом пришёл к нам.

В нашей конторе к нему относились дружески, но личных контактов и компанейских бесед избегали, отчётливо понимая, что оргазма от этого не получишь. А что можешь получить в будущем, неизвестно. Но все сходились во мнении, что ничего хорошего.

Я вжался в сиденье и даже отвернул голову в другую сторону, по-детски надеясь, что он меня не заметит. И моя уловка может быть и удалась, если бы тот же трюк проделал мой автомобиль.

- Я бы эту особу далеко от себя не отпускал, - сказал Алопек без приветствий и предисловий. – И рядом с ней тоже постоянно был бы начеку. Дамочка себе на уме. Уж я повидал таких мегер.

- Ты это о ком? – спросил я, глядя в лобовое стекло.

- Да брось, все знают о твоём новом задании и о неожиданном напарнике из ВОЗ. А этот ВОЗ хуже ящика Пандоры. Там, где большие деньги, добродетелей не ищи. Не найдёшь. Там только пороки. Причём, самые мерзкие и в неограниченном количестве. Уж я об этом знаю больше, чем кто-либо. Уж поверь мне.

- Из статистики? – сдерживая себя от сарказма, вежливо спросил я.

Алопек хмыкнул и ухмыльнулся:

- Не только. Да-а, Алекс, не повезло тебе. На психах много не заработаешь. Если вообще что-то заработаешь. Нервное расстройство и галлюцинации не в счёт.

Он расхохотался. Я решил денежную тему не развивать.

- Там не психи, там прокажённые, - уточнил я для поддержания разговора.

Алопек закатил глаза к небу.

- Это ещё хуже, - уверенно заявил он. – Лучше иметь дело с психами, чем с этими. Этих прокажённых лучше вообще обходить стороной.

Мне стало любопытно.

- А ты встречал хоть одного из них? – спросил я, повернувшись лицом к нему. – Говорят, они большая редкость.

- Сегодня да. Да, пожалуй, и вчера да. А вот раньше, говорят, их было немало. – И тут же добавил. – Но это секретная информация. Я, вот, думаю о другом.

Алопек прищурил глаза, а я изобразил внимание.

- Почему лучшего финансового дознавателя направляют на финансовую проверку какой-то занюханной психушки? Да ещё находящейся в соседнем государстве. А?

- Меня это тоже возмутило, - ответил я искренне. – Поначалу. Но потом я осознал важность задания. Там, оказывается, острая ситуация между медперсоналом и пациентами. Врачи экономят на лекарствах, а повара, с санкции администрации, держат больных в чёрном теле.

- Не позволяют им мыться? – с сомнением спросил Алопек. – Экономят на горячей воде?

- Это фразеологизм, - разъяснил я, удивлённый тем, что он не знает массовых крылатых выражений. – Это значит, что больных всячески притесняют, недокармливают. Держат в суровых условиях, на воде и хлебе.

- А, это тоже фразеологизм?! На воде и хлебе.

- В принципе, да. Но бывает, что понимать его следует буквально. Прокажённые на грани вымирания. А местные власти то ли покрывают, то ли не знают о происходящем. Дело мутное. Вот я и должен разобраться. Потому что, как тебе известно, прокажённых надо беречь. Таков указ и приказ ГСМа. Прокажённые, мол, соль земли. И эту соль надо беречь, как зеницу ока.

- Издеваешься? – не поверил мне Алопек. – Я бы эту соль растворил в виски и выпил одним залпом. С ними же невозможно не только вести какие-либо коммерческие дела, но и нормально разговаривать. И чего с ними валандаются?! Эвтанизировали бы по-тихому, как сумасшедших и раковых, да и дело с концом!

Я на всякий случай промолчал.

Поняв, что эта тема зашла в тупик, Алопек без заминки перешёл на другую:

- А ты слышал, что Градульф Воракс засыпался?

- Деньгами? – спросил я небрежно в ответ.

- Именно! – воскликнул Алопек и опять захохотал. – Жадность Градульфа сгубила. Этот болван решил прикарманить третью часть компенсации фирмы, в которой проводил аудит, и думал, что всё сойдёт с рук, если после кражи он умоет руки. Ну не дурак ли? У нашего финансового отдела самый крутой СКОТ! Там работают лучшие в стране скотины! Ну возьми процент-другой, не наглей и не нарывайся. Теперь кусает не только локти.

- А законных трёх процентов премиальных мало? – спросил я тихим нейтральным тоном.

Алопек содрогнулся и ответил, пропустив мой вопрос мимо своих оттопыренных ушей:

- Теперь хана Вораксу. Карьере точно. А могут и посадить.

И глаза его заблестели. Я понял, что он метит на место Градульфа. Болван. Он не потянет.

И тут он выдал то, зачем вообще подошёл ко мне:

- Жаль, Алекс, что ты сегодня убываешь на задание, - проворковал Алопек, стреляя глазами в разные стороны. – А я хотел тебя попросить, чтобы ты был моим протеже. Замолил бы перед боссом словечко. Он тебя уважает и ценит. Надоела мне эта статистическая канитель. Скучно. Хочется настоящего дела.

Мне очень хотелось высказаться предельно честно и о его просьбе в частности, и о его личности вообще. Но я опять сдержался. Хотя лгать, даже в грубой форме, становилось всё более неприятно. Омерзительно. Тошнотворно.

- Честное слово, Алопек, ни минуты свободного времени, - сказал я, непроизвольно поморщившись. – А просьбу, в отличие от приказа, быстро не выскажешь. Нужен подходящий момент, нужно поймать подходящее настроение шефа. Сам понимаешь.

- Ну да, ну да, - угрюмо согласился Алопек и не упустил случая нанести жалящий удар. – Твоё последнее блестящее дело «Мюнхенского банка» принесло ОРГАЗМу, а значит и ГСМ, хорошую прибыль. Я бы даже сказал – огромную прибыль.

- Каким образом? – спросил я с неподдельным интересом. – Да, штрафные санкции там должны быть огромными. Но большая часть штрафа идёт в бюджет государства, а нам остаётся двадцать процентов компенсации за выполненную работу. – И дополнил. – Три из которых мои.

Алопек снисходительно усмехнулся и подмигнул:

- Это если не договориться с нашим руководством напрямую. А они договорились. И банку, из поступивших в наш подраздел данных, эта сделка обошлась пусть и дороже, но выгоднее. Они остались сухими и сохранили репутацию. Информацию, как всегда в таких делах, просто засекретили. И всё благодаря тебе. Ты честно заслужил свои три процента. Хотя агентствам, сразу идущим на компромисс, выплачивается пять процентов от суммы сделки. Разве ты этого не знал?

- Я это знал, но не думал, что этот трюк боссы проделывают с моими делами и за моей спиной, - ответил я, ощутив горечь во рту. Проглотив её, безразлично заключил. – Хотя, пусть делают, что хотят. Я свою работу выполнил честно и честно получил причитающуюся мне сумму. Дальше не моё дело.

- Ты, конечно, прав, - как-то беспокойно согласился Алопек. – Да и что мы можем изменить? Такова система. – И вдруг, буравя меня взглядом, хрипло спросил. – Алекс, скажи честно, сколько они тебе предлагали отступных?

- Это уже не имеет никакого значения, - ответил я грустно.

Алопек решил, что моя грусть вызвана сожалением об упущенном куше и отстал

- Ладно, Алекс, пока, - сказал он, махнув рукой. Потом добавил. – Смотри, будь осторожен там, не подцепи заразу от прокажённых. И я тебе ничего не говорил?!

Я махнул рукой в ответ и пообещал:

- Само собой. Ты не говорил, а я не слышал.

- Друг? – спросила подошедшая мисс Гарпа, кивнув головой в сторону уходящего Алопека.

- Да, - подтвердил я. – Имея одного такого друга, не надо легиона врагов. Что дальше? В аэропорт? Или планы изменились?

- Если там есть приличный ресторан и приличный отель, - ответила Ната. – Мы полетим завтра. А сегодня хочется для начала нормально позавтракать.

Агент ВОЗ обошла автомобиль, уселась на сиденье и вопросительно уставилась на меня.

- Вам хочется просто вкусно позавтракать или престижно вкусно позавтракать? – уточнил я.

Как оказалось, зря уточнял. Сразу испортил о себе впечатление.

- Разве я недостаточно ясно выразилась? – с упрёком спросила Ната. – Я готова заплатить больше, но должна быть уверена в качестве пищи и сервиса.

Логично. Тем более для человека, представляющему всё мировое здравоохранение.

- Даже когда готовишь себе сам, не можешь быть уверен в качестве пищи, - сообщил я ей общеизвестный факт. – Только в качестве сервиса. Лекарства вы так же выбираете?

Мисс Гарпа посмотрела мне в глаза.

- Лекарства мы не выбираем, - медленным ледяным тоном ответила она. – Лекарства нам назначают, выписывая рецепты, или советуют общедоступные. – И веско дополнила. – Мы вам назначаем и советуем. Через медицинские учреждения и рекламу. Это огромный бизнес.

- Хорошо ещё, что еду пока только советуют, - сказал я, запуская двигатель.

- Если вы лечитесь амбулаторно, - возразила Гарпа. – Как только вы попадаете в стационар, вы полностью под нашим контролем. Мы вас лечим, кормим и, при случае, отправляем в крематорий на прожарку. И, заметьте, для вашей же пользы и вашего блага. – Помолчав, улыбнулась и небрежно бросила. – Шутка.

- Ресторан в аэропорту ещё закрыт, - сказал я, выворачивая руль. – В городе я знаю только один ресторан, который работает в это время как ресторан. То есть, цена не меняется в зависимости от времени суток. Она стабильно высокая. Очень приличный ресторан. «Стара воля» называется. До большой войны именовался «Нова воля».

- Поехали, - коротко скомандовала леди Гарпа.

Утром стоянка почти пустовала. Я припарковал автомобиль и вышел. Леди продолжала сидеть. Секунд через пять я сообразил. Обошёл свой «Пежо» и открыл дверку. Дама величаво вышла. Я захлопнул дверь и заблокировал центральный замок.

- Допускаете возможность, что вот это могут угнать? – с усмешкой спросила Ната.

Я грубо указал пальцем на баннер, висевший невдалеке над дверью, с надписью «Аптека».

- Молодёжь любит, выйдя из аптеки и приняв дозу, полихачить. – ответил я, а потом скромно попросил. – А можно я вас буду называть Натали?

- Нет, - резко отрезала Гарпа. – Я по паспорту Ната, а не Натали, не Наталия и не Наташа. Вы идёте со мной?

- Нет, - передразнивая её, резко ответил я. – Я уже давно не посещаю подобных приличных мест. Предпочитаю места поскромнее и поудобнее. Там мне комфортнее. Я иду к Казимиру.

- Это ещё один ваш приятель, с которым не надо легиона врагов?

Надо же, запомнила?!

- Нет, - отрезал я, но уже не резко. – Это владелец кавьярни, куда я частенько захожу.

Ната улыбнулась. Без пренебрежения и высокомерия.

- Алекс, неужели вы экономите на своём здоровье? – спросила она, явно ожидая ответа.

Пришлось ответить:

- Ната, я экономлю только на деньгах и лекарствах. Я плачу меньше, потому что уверен в качестве пищи. Уверен абсолютно. А значит, спасаю себя от ботулизма, сальмонеллеза и дизентерии. И, тем самым, экономлю на лекарствах.

Я подумал, что разговор на этом окончен, но мисс Гарпа проявила настойчивость.

- В конце концов, Алекс, это неприлично, - заявила она с блеском в глазах. – Я в данном случае гость. Ваш гость. В вашем городе. – И, обворожительно улыбнувшись, пригрозила. – К тому же, дорогой мой, не забывайте, что я выше вас по классу, по должности и в нашем тандеме.

В основном, конечно, она права. Меня лишь задело, что называется, за живое частое употребление слов «прилично» и «неприлично». Назначать дорогие лекарства бедняку, это прилично. Не иметь возможность посещать дорогой ресторан, это неприлично. Платить мизерное жалование людям первых двух классов, это прилично. А получать мизерное жалование, это уже неприлично. Как, например, моя сестра и её муж, которые на это мизерное жалование растят детей и содержат престарелого человека, не желая отдавать того в дом престарелых для тихой утилизации в виде гуманной эвтаназии.

Леди Ната моё замешательство трактовала по-своему:

- Алекс, я вас приглашаю и готова оплатить любые блюда, которые будут вам по вкусу.

Я улыбнулся в ответ, стараясь это сделать тоже обворожительно. Но, судя по недовольной гримасе Гарпы, у меня не получилось. Оно и понятно, трудно что-то сделать хорошо в первый раз без долгих изнурительных тренировок. Перед зеркалом. Но я не жиголо и мне эти упражнения ни к чему. Пообещал себе, что больше никаких лицевых экспромтов.

- Если у меня не хватит средств оплатить обед, то я ограблю вас, но оплачу сам, - сказал я в духе Робин Гуда.

- Грабить бедную женщину... - начала она, подхватив меня под руку.

- Это неприлично, - быстро подхватил я, поднимаясь с леди по лестнице. – Что с неё взять? А вот грабить богатую женщину, это вполне прилично. И даже благородно. Именно этим когда-то занимался благородный разбойник Робин Гуд. Грабил всех богатых, не разделяя мужчин и женщин. Уж он точно не был сексистом. Честь ему и хвала.

- Но в книгах написано другое?! – возразила мисс Ната недовольным голосом.

- В книгах всегда написано другое. И о Робин Гуде, и о Стеньке Разине, и о самураях, и о викингх, и про индейцев. Легенды, мифы, сказки. Всё ложь. В которую, кстати, люди верят охотнее, чем в правду. Ложь сохраняет веру в человечество.

Мисс Гарпа не пожелала развивать эту тему.

- Я останусь при своём мнении: грабить любую женщину неприлично, - сказала она, не поворачивая головы в мою сторону, - Разве вы другого мнения?

- Конечно, нет. Я просто против мнения, что грабить мужчину женщиной, это прилично.

Мисс Гарпа меня расколола, как гнилой орех:

- Неудачная семейная жизнь?

- В трёх экземплярах, - внёс я поправку.

Она, в порыве сочувствия, рассмеялась:

- Это вымогательство и шантаж, но никак не ограбление. Применения силы и оружия не было.

- Сила и оружие женщины в другом, - буркнул я. – И вы ими пользуетесь без церемоний. Нагло и цинично. Ограбление, в сравнении с вашим хитрым коварством, выглядит честнее. Если, конечно, правомочно к ограблениям и грабежам применять одно из лучших человеческих слов.

- Лучшие слова человечества – честность, правда, справедливость – лучше вообще нигде и никогда не применять, - жёстко сказала инспектор ВОЗ. И по-своему разъяснила. – Это наподобие температуры. Она разная не только на всей планете, но и в одном месте в течение суток. Но когда её устанавливают в кондиционере или в холодильнике, она стабильно постоянная. – И, вытянув губы в холодной улыбке, закончила. – Всё давно установлено и не надо своевольничать.

Я был вынужден согласиться:

- Да, порядок не терпит своеволия. А своеволие, это начало хаоса. А хаос, это гибель всей цивилизации. А цивилизация, это жёсткие рамки, за которые выходить никому не дозволено.

Мисс Гарпа удовлетворённо кивнула головой:

- Именно так. А мы, соответственно, стражи порядка и цивилизации. – Она повернула голову ко мне, заглянула своими карими глазами в мои и гордо произнесла. – На самом высоком уровне. И должны гордиться оказанным нам доверием.

Глава 6

Когда с завтраком было покончено, Ната неприлично потянулась и заявила:

- Я срочно должна принять душ, ванну, джакузи. Любое приличное изобретение для мытья тела. До нашего рейса, - она посмотрела на золотые часики, - ровно два с половиной часа.

- Нет ничего проще, - сказал я. – Мы же в здании отеля.

- Я это тоже заметила, - пошутила Ната.

Я продолжил:

- Сейчас, как видите, он называется «Plac Ludowy». Приличный отель. А до нашей эры был «Crown Plaza». Ничего с тех пор не изменилось, кроме названия и владельца. Перераспределение средств и имущества. Чтобы соприкоснуться с водой, достаточно пройти на ресепшен и заказать номер. По вкусу и по средствам.

- Спасибо за подробные разъяснения, - сказала меффрау Гарпа, вставая из-за стола. – Чтобы я без вас делала?! Простите, Алекс, вас с собой не приглашаю.

- Потому что я мужчина? – спросил я, мило улыбаясь, не рискуя уже улыбаться обворотно.

Мой старший напарник и бровью не повёл. Ната тоже довольно мило и приятно улыбнулась, совершенно неожиданно для меня, и певучим голосом ответила:

- Потому, дорогой Алекс, что я, во-первых, бисексуал, то есть всеядна, а во-вторых, я никоим образом не нимфоманка. И ещё, чтобы больше не возвращаться к этой теме: у меня даже либидо невысокое. Оно повышается только в свободное от службы время. Но, прошу заметить, когда, где и с кем принимать дозу секса, решаю исключительно я сама. А вы, Алекс, уж извините, никак не герой моего романа.

Честно скажу, я был только рад такому откровению. Поэтому с облегчением признался:

- Ната, вы тоже не моя «Прекрасная Дама».

- Я это уже давно поняла по вашим глазам.

Мы вышли в холл. И вдруг она спросила:

- Алекс, в вас чувствуется дух свободы, но почему при этом вас неумолимо тянет к семейной жизни? Это какой-то парадокс. Вы не семейный тиран, я это уже поняла. Тогда почему?

Она не понимала меня, я не понимал её. Но я опять ответил честно:

- Всё просто: хочется домашнего уюта, детей и... настоящей любви. Хочется найти ту любимую и единственную, с которой всё это было бы возможно.

И тут Гарпа захохотала, испортив недавнее впечатление.

- Это невозможно, Алекс! – воскликнула она, а в её голосе я уловил непонятную мне злобу. – Вы мастодонт! – И выдала ещё одно откровение. – В молодости я тоже искала любовь. Когда взамен получила предательство, переключилась исключительно на секс. И у вас ничего не получится. Ладно, займитесь своими делами. Через час я вас буду ждать возле вашей колымаги.

Вопреки своему желанию я предложил:

- Ната, позвольте, я хотя бы дотащу ваш чемодан?

- Коридорный дотащит, - как обычно отрезала она.

Дел на час у меня не было, а значит, заняться было нечем. Сидеть в автомобиле целый час глупо и неудобно, а куда-то ехать, чтобы застрять в «пробке», ещё глупее. И я пошёл к Казимиру.

Заказав кофе, я расположился за столиком возле окна. Я всегда предпочитаю места возле окон. Если, конечно, они не заняты. Посетителей здесь было больше, чем в ресторане, но точное количество определить невозможно из-за их скоростной текучести. В рабочие дни люди забегали либо быстро взбодриться чашечкой кофе, либо по-быстрому перекусить. Отдыхали не спеша по вечерам и в выходные. Здесь это называли «часами пик». Повара и официанты трудились в поте лица, а хозяин радостно подсчитывал прибыль.

Хозяин Казимир, выйдя в зал и заметив меня, незамедлительно подошёл. Это случилось не часто. Обычно просто приветственно махал рукой. И я понял, что у него ко мне дело. Поздоровался, провёл волосатой рукой по лысине и попросил разрешения присесть. Я кивнул головой, давая понять хозяину, что я не возражаю против его вторжения в моё личное пространство. Хозяин расплылся в благодарной улыбке.

- Вот, пан Алекс, до чего доходят люди в своей низости и подлости, - сказал он, выражая голосом и мясистым лицом неимоверную скорбь. - Чтобы напакостить, готовы даже нести убытки. А ведь прошло с тех пор больше двадцати лет! У меня с женой уже трое детей!

- Уже давно у вас трое детей, - поправил я. - Пан Казимеж, я у вас в гостях, но не дома. Я пью кофе, за который заплатил, а не выпиваю коньяк, которым вы меня угощаете. Мы оба с вами находимся на рабочих местах. Ладно, говорите, какая неприятность с вами произошла.

Казимир взорвался, правда, не громко.

- Неприятность?! - воскликнул он шёпотом. - Катастрофа! Эта неприятность грозит мне тем, что я, в отличие от вас, могу лишиться работы. Я понимаю, что мы с вами не друзья и даже не товарищи. Но ведь, Алекс, вы столько лет ходите в моё кафе! Я не знаю, где вы работаете, но уверен, что на очень высокой должности.

Хитрец Казимир. Он, конечно, лукавил. Я уверен, что он прекрасно знал, где я работаю.

- Откуда такая уверенность? - спросил я, делая глоток горячего кофе.

Казимир замялся, даже лысина вспотела.

- Просто уверен и всё! - ответил он, достав на этот раз носовой платок и вытерев им лысину.

Ну что же, мы квиты: моя формальная уверенность против его такой же уверенности.

- Аргумент принимается, - сказал я, улыбаясь. После улыбки повторил вопрос. - Что случилось?

Казимир придвинул своё лицо, прихватив половину туловища, ко мне и страстно зашептал:

- У меня хотят отжать мой бизнес. В отместку за прошлое. Но не за дело, а за любовь. Мы когда-то были товарищами и любили одну девушку. Но Беата выбрала меня.

- Так звали ту девушку? - уточнил я.

Казимир посмотрел на меня удивлённо, но ответил:

- Ну да. Так звали ту девушку и так зовут мою жену.

- С которой у вас трое детей?

- Ну да, трое. Так вот, этот гад после этого куда-то уехал. Пропал. Исчез.

- А как зовут этого гада?

- Здых Рапакс, - поморщившись, сообщил пока ещё хозяин своего кафе. - А теперь, сволочь, вернулся, чтобы отомстить.

- Откуда сведения? - спросил я, отодвинув пустую чашку.

- Ещё кофе? - любезно предложил Казимир.

- Нет, спасибо. Мне предстоит полёт на самолёте, а во время полёта я предпочитаю находиться в сидячем положении. Обычно – в полусонном и полуобморочном состоянии. Так откуда сведения?

- От Здыха! Он появился здесь неделю назад и предложил за гроши продать ему моё кафе. Я, конечно, отказался. А этот гад пообещал мне большие неприятности, которые меня обанкротят. И вот уже началось: зачастили пожарные инспекторы, инспекторы налоговой службы, инспекторы Санерида, инспекторы миграционной службы и даже заходил инспектор рыбнадзора.

- Вы точно уверены, что это всё проделки Здыха?

- Больше никому! – воскликнул Казимир, покраснев, как сваренный рак. – Чтоб сдох этот Здых! До его появления всё было прекрасно. Никаких проблем.

- Точно никаких? Со всеми инспекциями?

- У меня всё было в полном порядке, - сказал несчастный Казимир, опять перейдя на шёпот. – Пусть прибыль у меня и не очень большая, но я исправно платил налоги и официальные взятки. Но этот Здых за взятки заказал на меня массу инспекций.

- Официально? – удивлённо спросил я.

- Конечно, официально, - подтвердил хозяин. – Он сволочь, но не дурак.

Я, вращаясь в высших слоях социальной атмосферы, с юридическими тонкостями среднего бизнеса был знаком не так хорошо, как с тонкостями высшего бизнеса.

- Пан Казимеж, разверните это вопрос пошире, - попросил я. – Я помню времена, когда такую практику применяли неофициально. Она была популярной, но уголовно наказуемой.

- К счастью, она сегодня не очень популярна. Вышла из моды и считается моветоном.

- А вот платить официально взятки, к сожалению, это комильфо, - грустно заметил я. – И это мировая практика?! Извините, что перебил вас, личная ремарка, продолжайте, пан Казимеж

- Взяткой мы называем оказание некоторых видов платных услуг представителями государственных структур мелкому бизнесу и частным лицам. То есть, вы приходите, например, в санэпидемстанцию (Санериду) и заказываете проверку, допустим, на меня. Оплачиваете услугу.

- Они же и так рыскают по всему городу?! – ещё раз перебил я.

- То обычные плановые проверки, которые приносят прибыль в виде штрафов и небольших отступных. А здесь и прибыль в виде штрафов, и оплата услуги, которая в разы превосходит отступные. Вам назначают персонального инспектора, который, несмотря на оплаченную услугу, без личной взятки и папку не откроет. Вы ещё платите и ему. Вот тогда он за дело берётся рьяно. Он будет бить копытом и бодать вас рогами до тех пор, пока вы не сдадитесь. А если эти процедуры повторять раз за разом, то вашего врага они вгонят в гроб. Хотя обойдётся это вам очень и очень дорого.

Слои разные, а везде почти всё одинаково. Разница лишь в диаметре финансовых кругов, в которых вращаются верхи, середняки и низы. Я это знал, но сегодня, почему-то, воспринял эту историю близко к сердцу. Внутри что-то хрустнуло, надломилось и я был окончательно раздавлен. Боль разлилась по всей грудной клетке. Диаграмма диафрагмы подтвердилась.

- И что теперь делать? – спросил растерянно я.

Казимир выпучил глаза:

- Это вы у меня спрашиваете? Вообще-то, это я к вам обратился за помощью! – Видя мою прострацию, он взял инициативу в свои руки. – Вообще-то, мы можем перейти в контратаку по двум направлениям.

Теперь выпучил глаза я:

- Мы? Почему «мы»?

- Но вы же не бросите несчастного в беде?! Мне больше не к кому обратиться за помощью. Вы моя последняя надежда.

И я сдался:

- Хорошо, пусть будет «мы». Излагайте план ваших контратак по двум направлениям.

Казимир приободрился и принялся излагать:

- Во-первых, мы можем ударить через инспектора, если он взял взятку от Здыха, но прикарманил большую часть, а выдал справку на мизерную сумму.

- Это трудоёмкая работа и мало эффективная, - я тут же вынес свой вердикт по первой контратаке в тыл врага. - Сизифов труд. Бить надо либо с флангов, либо в лоб.

Казимир был человек здравомыслящий.

- Пожалуй, что так, - чуть покумекав, согласился он. - В таком случае, Алекс, контратака с флангов и в лоб зависит полностью от вас. - Вот это здорово! Быстро пан сориентировался в тактике. - Надо раскопать всю подноготную этого Здыха, насобирать убойный компромат и уничтожить его!

- Казимеж, вы представляете, сколько на это потребуется времени и затрат?! Проще продать кафе, выгода будет большая.

- Ни за что! - горячо воскликнул хозяин. - Плевать на выгоду! Плевать на убытки! Это дело чести! Лучше смерть, чем позор!

Наступила минута молчания. Надо было всем успокоиться: и Казимиру, и посетителям. Они даже про еду забыли. Мне было жаль его. Я хотел помочь ему, но у меня совсем не было на это времени. А на больничный из-за диаграммы диафрагмы не отпустят. И где хваленая забота о человеке? Мало того, что не дали больничный, так ещё и на задание отправили! Мне тоже захотелось кое-кого кое-чем обозвать и кое-куда послать.

- Ради этого дела я готов залезть в кредиты, - шёпотом сказал Казимир, по-своему трактуя моё молчание. - Я на всё готов, чтобы раздавить эту вошь. Я готов, Алекс, заплатить вам любую сумму в пределах разумного.

Все мыслят категориями денег и прибыли.

- Дело не в этом, пан Казимеж, - сказал я сквозь грустно-ироничную усмешку. - Я же говорил вам, что у меня нет времени. У меня командировка. Я скоро улетаю в другую страну.

Хозяин боялся отказа, поэтому всё равно обрадовался.

- Я подожду, пан Алекс! - пообещал он пылко, но тихо. - Я выдержу это время! Я подам заявку на кредит, чтобы к вашему возвращению у нас были средства на контратаку.

Я остановил его, сделав жест рукой.

- Не надо, - твёрдо попросил я. Почти приказал. - Энергии на контратаку у нас хватит. А я приложу все усилия, чтобы прилететь обратно пораньше.

- Пан Алекс, я так рад! - воскликнул радостно Казимир, чуть повысив голос. - Мне с вами совсем не страшно. Вы всем своим видом внушаете уверенность и безопасность. Большое вам спасибо!

- Рано благодарить, - сказал я, глянув в окно.

И вдруг Казимир как-то сник и опять покраснел.

- Есть один неприятный нюанс, который может нас уничтожить, - глухо зашептал он, начиная потеть. - Был один случай, когда я дал инспектору хорошую взятку нелегально. Это было три года назад. До сих пор всё тихо.

- Дело, конечно, прошлое, но всё равно это очень плохо, - сказал я, погрузнев.

Казимир вдруг взъерепенился:

- Почему для Здыха, это «Сизифов труд», а для меня, это «очень плохо»?

- Потому, что мы не уверены в таком правонарушении со стороны Здыха и для нас, это действительно Сизифов труд. Но мы уверены в вашем правонарушении и Здыха нельзя недооценивать. Улавливаете разницу?

- Я всё понимаю, - проямлил Казимир. – Это моя единственная, но большая оплошность. Любое государство становится особенно злым, когда ему не платят налоги. Даже крохотные. Оно карает не столько за сумму, сколько за сам факт сокрытия налогов. Дёрнул же меня лукавый! И ведь всего один раз! Всегда, как добропорядочный гражданин, давал взятку, получал обратно квитанцию об оплате. Всё чин по чину. Все довольны и, главное, все спокойны. Если этот факт всплывёт, тогда всему конец.

- То вы готовы на всё и готовы идти до конца, то вдруг на ровном месте раскисаете и задираете лапки кверху, - раздражённо высказался. – Либо вы готовы к борьбе, либо нет. Ну?

- Конечно, я готов! - чуть ли не выкрикнул вспотевший хозяин. – Это я так, к слову.

Я ещё раз посмотрел в окно. Возле моего «Пежо» ошивалась брюнетка в строгом деловом костюме уже синего цвета. Она медленно прохаживалась, поглядывая во стороны света. По виду, нервы её были не пределе.

Я встал и протянул Казимиру руку.

- К сожалению, пан Казимеж, мне пора, - сказал я, пожимая его руку. – Но я не прощаюсь.

- Я буду вас ждать с нетерпением, - ответил хозяин, а его глаза, как мне показалось, чуть увлажнились. – И в одиночку держать оборону.

- Держите, пан Казимеж, держите, - приободрил я его напоследок и выскочил на улицу.

Я подошёл к ней, на ходу разблокировав замок, и отчитался:

- Как видите, Ната, я в точности исполнил ваш приказ.

Она напрягла память, но своего приказа не вспомнила.

- Какой? – спросила она с досадой.

- «Через час я вас жду», - повторил я её слова часовой давности. – Вы не сказали: «Через час ждите меня возле своего автомобиля».

Ната к моему логическому объяснению отнеслась, как к детской выходке:

- Достаточно пустой болтовни. Поехали в аэропорт.

Через десять минут пути она спросила:

- Вы хорошо изучили материал на медперсонал, технический персонал и больных?

Я заметил за собой странную привычку всё чаще отвечать на вопросы правдиво. Всё чаще и чаще. Добром это не кончится.

- Я их в глаза не видел, - ответил я с улыбкой.

- И вы этому так рады? Как вы собираетесь работать? А мне сообщили, что вы профессионал высочайшего класса.

- Только пятого, - изобразив грусть, ответил я. – А по остальному скажу так. Во-первых, мне никто ничего не предоставил для изучения; во-вторых, я предпочитаю знакомиться со всем персоналом вживую; в-третьих, я работаю исключительно с финансовыми документами в какой бы форме они ни находились. С бумажными, с флэшками, с компьютером. И поверьте, с ними я умею работать. Я вижу не только корпорацию в целом, но и каждого работника сквозь призму его финансовых дел.

Глава 7

Мы подъехали к аэропорту за двадцать минут до объявления рейса. Я отогнал «Пежо» на платную стоянку, оплатил десятидневную сохранность своего транспортного средства и вошёл в здание терминала аэропорта.

Мефрау Гарпа поджидала меня у входа.

- Неужели вы так дорожите вашей рухлядью, что ставите её на стоянку, теряя столько денег? – спросила она без всякой видимой издёвки. – Вы, который экономит на ресторанах, выбрасываете на ветер такие деньги? Здесь нет аптеки. Здесь некому её угонять.

И чего она привязалась к моему любимому автомобилю. Привык я к нему.

- Просто хочу дать ему шанс дожить до глубокой старости, - ответил я. – Он мой друг.
- По-моему, он уже давно в этом возрасте.

- Ну что вы! Вернусь, вот, из командировки, подлечу ему «сердечко», подправлю «позвоночник», наложим новую косметику и лет пять, думаю, мы ещё поддружим.

- Ну-ну, мечтал старик вернуть старухе красоту, не зная, что сам уходит в пустоту.

Ничего оскорбительно в этом двустиишии вроде как не было, но мне оно, почему-то, не понравилось. Может тон, которым оно было произнесено? Язвительно-насмешливые нотки звучали в голосе Гарпы. С чего бы это? А может в нём есть скрытый смысл, который мне непонятен? И чего она на меня въелась? Пожалуй, я не объективен. Она мне тоже не нравилась.

- Вы, оказывается, ещё и рифмоплёт, - сказал я, лавируя между потоками людей. – А потом, неожиданно для себя, выдал. – Кто-то красоту превращает в пустоту, не зная тот секрет, что пустоты-то вовсе нет.

Я успел мимоходом заглянуть в глаза Наты и увидеть там толику удивления, перемешанного – нет, не восхищением – таким горделивым одобрением. И она уже открыла рот, чтобы словесно выразить своё отношение к моим поэтическим способностям, но произошёл казус.

Прямо перед нами упал мужчина средних лет. Шёл, шёл, потом зашатался и рухнул. Реакция Наты была мгновенной. Она быстро сунула мне свою сумочку, в дополнение к двум чемоданам, которые я тащил, присела возле упавшего, посмотрела, открыв поочерёдно, в оба глаза и приложила свой большой палец к запястью мужчины.

Проделав данные манипуляции, агент высшей медицинской инстанции достала из сумочки, которую я держал в руке, мобильный телефон и, набирая номер, ровным твёрдым голосом сказала в толпу:

- Немедленно позовите медработника аэропорта. – И уже непосредственно в микрофон телефона сообщила. – Вам звонит представитель Всемирной Организации Здравоохранения, чиновник шестого класса Ната Гарпа. В терминале аэропорта Фридерика Шопена у человека случился острый инфаркт миокарда. Советую приехать быстрее, чем я, пройдя контроль безопасности, выйду в зону посадки. Вы меня услышали. Шевелитесь!

Она бросила смартфон в сумочку, сумочку повесила обратно на своё плечо и мимоходом глянула мне в глаза. От неожиданности я дёрнулся. В этот момент к холоду, которым меня обдало при нашем первом соприкосновении глазами, добавился мрак пустоты, существование которой я отрицал в своём двустиишии.

- Нам пора, - скомандовала мисс Гарпа, перешагивая через мужчину. – Я сделала всё от меня зависящее. Теперь дело за другими. Хотя, думаю, случай безнадежный. Не жилец.

- Вы сделали больше, чем могли, - похвалил я, схватив обеими руками выдвижные ручки багажа и объезжая тело. – Ведь могли вызвать «скорую» без угроз.

- Я им лишь придала ускорение, - пояснила Ната и для убедительности добавила. – Без стимула и внешнего раздражителя гуманизма от них не дождёшься.

Время полёта рейса «Варшава – Минск» час с небольшим. Большую часть пути мы летели молча. Лишь вначале, когда мы сидели пристёгнутые в креслах, она спросила:

- Алекс, неужели вы боитесь летать на самолётах?

- Летать я не боюсь, - честно и мужественно признался я. – Мне неприятны взлёты и посадки.

Когда самолёт набрал нужную высоту и полетел горизонтально, стюардесса с тележкой для еды предложила пассажирам «бизнес-класса» дополнительные аксессуары для приятного полёта.

Я хлопнул рюмку коньяку и через минуту вырубился. Не от рюмки коньяка, конечно. Я и так вырубился бы, потому что в полёте меня всегда клонит ко сну. Нос коньяком приятнее.

Наш самолёт приземлился в Международном аэропорту имени Франциска Скорины в 14.35, где нас встретил представитель ГСМ в Беларуси Альбина Альбиносова, блондинка в

белом костюме и в белых туфлях на низком каблучке. Рядом с ней суеился куратор от нашей конторы Любомир Луксуров, невысокий мужичонка лет пятидесяти.

- Как долетели? – спросила Альбина, здороваясь.

Я пожал руку обоим, Ната – только блондинке, проигнорировав протянутую руку Любомира.

- Полёт расстоянием в час, это не полёт, а плевков катапульты, - пошутила мисс Гарпа, заглядывая в глаза Альбине. – Вот летала я в Куала-Лумпур, на Фиджи, в Сидней, вот это были полёты.

- Не скажите, - вмешался в разговор Любомир, лысеющий шатен с грустными глазами. – Иногда достаточно крохотного расстояния, чтобы разбиться при взлёте, заглохнуть в полёте или рухнуть носом при посадке. – И, глянув в чистое небо, добавил. – Причём, с полной гибелью всех пассажиров и всех членов экипажа. От катастрофы, как и от смерти, никто не застрахован. Даже если застрахован во Всемирной Страховой Компании по страхованию жизни «Харон».

Женщины осуждающе глянули на бестактного болтливого недотёпу, а Альбина, коснувшись локтя Наты, указала на стоявший невдалеке бежевый минивэн. Я хлопнул Любомира по плечу и дружески подмигнул.

Любомира я знал уже лет пятнадцать. Мы не были ни друзьями, ни даже товарищами, а партнёрами по делу нам довелось быть лишь однажды. Именно тогда, пятнадцать лет назад, когда он был уже опытным агентом, а я ещё считался новичком, я помог ему выпутаться из одной скандальной и потенциально уголовной ситуации, названной прессой «Парижский Пигмалион».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.